Варя Белова

УЛИКИ НА ВЕРХНЕЙ ПОЛКЕ

Варя Белова
Улики на верхней полке

https://litres.ru/74714779
SelfPub; 2026

Аннотация

Стоит Софье Беловой разобрать чужой шкаф — и обязательно найдётся улика. А ведь она всего лишь помогает людям наводить порядок!

Но однажды покойница «возвращается» домой, невеста исчезает перед свадьбой, кулинарный конкурс заканчивается трагедией, а в дачном посёлке пропадает сосед. И как всё это объяснить симпатичному следователю, который постоянно оказывается рядом?

Четыре уютных иронических детектива: находчивая героиня, подруга с острым языком, неугомонный пёс Пуговица и загадки, которые так приятно разгадывать за чашкой чая.

Содержание

Повесть первая. Покойница просит не беспокоить 4
Глава 1. Работа с неприятным сюрпризом 4
Глава 2. Письмо с того света 21
Глава 3. Родственники с собственным ключом 38
Глава 4. Мелочь из круглосуточного 49
Глава 5. Женщина, которая боялась говорить 59
Глава 6. Коробка для приличного человека 70
Глава 7. Нижний ящик и верхняя полка 78
Глава 8. Гость, который пришёл за чужим 85
Глава 9. Женщина с серебряной заколкой 92
Глава 10. Покойница просит объяснений 100
Конец ознакомительного фрагмента. 112

Варя Белова
Улики на верхней полке

Повесть первая. Покойница просит не беспокоить

Глава 1. Работа с неприятным сюрпризом

В жизни я придерживаюсь трёх правил. По крайней мере, стараюсь. Первое: не покупай платье на размер меньше. Оно всё равно не похудеет за тебя.

Второе: если мужчина просит время разобраться в себе, не мешай ему разбираться — желательно по другому адресу. И третье: когда незнакомец обещает хорошие деньги за пустяковую работу, сначала выясни, почему от неё отказались все остальные.

Первые два правила достались мне дорого. Третье я упорно игнорировала. Во вторник, когда позвонила Оксана Громова, я как раз пыталась вытащить из пасти Пуговицы кухонное полотенце.

Пуговица весил сорок три килограмма, выглядел как бла-

городный волкодав и рассуждал как ловкий пятилетний мошенник: всё, что упало на пол, принадлежало ему.

Полотенце я действительно уронила. Но я не подписывала акт передачи имущества.

— Отдай!

Пуговица вильнул хвостом.

— Я с тобой разговариваю!

Пёс задумчиво пожевал уголок.

Зазвонил телефон.

Я посмотрела на экран. Номер незнакомый.

— Слушаю.

— Здравствуйте. Это Софья Андреевна Белова?

— Она самая.

— Меня зовут Оксана Сергеевна Громова. Мне дали ваш телефон в агентстве недвижимости. Сказали, вы занимаетесь разбором квартир.

— Занимаюсь. А что именно нужно разобрать?

— Вещи. Мебель. Книги. Там очень много всего.

— После переезда?

Женщина помолчала.

— После смерти.

Я отпустила полотенце. Пуговица немедленно отступил в спальню, бережно неся добычу, словно орден за боевые заслуги.

— Примите соболезнования, — сказала я.

— Спасибо. Умерла моя тётя. Мы похоронили её в пятни-

цу. Квартира осталась мне, а я совершенно не представляю, что делать с её вещами. Там целая жизнь накопилась.

Подобные заказы поступали ко мне регулярно.

Три года назад я открыла фирму «Лишнего нет». Название придумала Катя, моя лучшая подруга. Она говорила, что в этих двух словах заключена жизненная философия. Я предпочитала видеть в них обещание, которое могла выполнить.

Мы сортировали вещи, освобождали квартиры перед продажей, помогали с переездами и решали судьбу предметов, которые годами пылились на антресолях.

Иногда из-под хлама появлялись настоящие сокровища. Чаще — просроченные лекарства, сиротливые варежки и инструкции от холодильников, давно отправленных на свалку.

— Когда вам удобно встретиться? — спросила я.

— Сегодня. Чем раньше, тем лучше.

Я посмотрела на часы.

Десять двадцать.

В одиннадцать у меня должна была состояться встреча с заказчицей, которая никак не могла решить, следует ли выбросить четырнадцать коробок с обувью её бывшего мужа.

Сложность состояла в том, что муж ушёл семь лет назад. Обувь, судя по всему, была куда вернее.

— Смогу приехать примерно к двум, — сказала я.

— Отлично. Только…

Я насторожилась.

Вот оно.

После него обычно обнаруживалось, что лифт не работает, шкаф не проходит в двери, а платить за труд мне собираются домашними соленьями.

— Что «только»?

— Вы не суеверны?

— В разумных пределах. Чёрных кошек не боюсь, соль через плечо бросаю только тогда, когда очень злюсь.

Собеседница не засмеялась.

— Дело в том, что с квартирой происходит что-то странное.

— В каком смысле?

— Соседка вчера видела мою тётю.

Я не сразу поняла, что услышала.

— Простите, кого?

— Тётю Зину.

— Ту, которую похоронили?

— Да.

Пуговица вернулся с полотенцем на голове. Теперь он походил на привидение, которое слишком увлеклось ужином.

— Может, соседка обозналась?

— Я тоже так думаю, — быстро ответила Оксана. — Но она устроила ужасный скандал. Говорит, тётя была в своём пальто. Поднималась на этаж. И даже открывала квартиру ключом.

В трубке что-то зашуршало.

— Вы ведь не откажетесь?

На этом месте разумная женщина вежливо закончила бы разговор. Разумная женщина вообще устроилась бы на работу с отпусками, больничными и корпоративными подарками, а не разбирала чужие шкафы.

Но мне были нужны деньги.

Да и любопытство уже успело вцепиться в меня крепче, чем Пуговица в полотенце.

— Диктуйте адрес.

* * *

К двум я успела разобраться с чужой обувью, купить корм Пуговице и поссориться с собственным бывшим мужем. Последнее получилось совершенно случайно.

Андрей позвонил, когда я стояла в очереди на кассе.

— Соня, привет. Как дела?

Это был тревожный вопрос. После развода Андрей ни разу не интересовался моими делами просто так.

— Нормально. Что случилось?

— Почему сразу случилось?

— Потому что ты звонишь.

— Я вообще-то хотел узнать, как ты.

— Узнал. Пока.

— Сонь, подожди! Тут такое дело…

Я вздохнула.

— Какое?

— Ты ведь помнишь мою синюю куртку?

— К сожалению, да.

— Она, кажется, осталась у тебя.

— Андрей, мы развелись четыре года назад.

— Ну и что?

— За четыре года она могла получить диплом, жениться и завести детей. У меня её нет.

— Сонь, я серьёзно.

— Я тоже. Куртки у меня нет.

— Может, посмотришь?

Я посмотрела на очередь, на корм и на женщину передо мной, которая пыталась доказать кассиру, что ценник на бананах был совершенно другой.

— Андрей, я сейчас занята.

— У тебя всегда так.

Я отключилась.

Минутой позже пришло сообщение: «Ты стала очень чёрствой».

Я ответила: «Зато, надеюсь, твоя куртка мягкая».

И поехала на работу.

* * *

Дом стоял в старом московском районе, где девятиэтажки теснились между пятиэтажками, а под ногами шуршала мокрая октябрьская листва.

Девятиэтажка оказалась вполне приличной. Чистый подъезд, цветы на подоконниках, объявления о собрании собственников.

На доске возле лифта висел листок:

«УВАЖАЕМЫЕ ЖИЛЬЦЫ! ПРОСЬБА НЕ ОСТАВЛЯТЬ МУСОР У МУСОРОПРОВОДА!»

Ниже кто-то дописал ручкой:

«И НЕ ВОРОВАТЬ ЛАМПОЧКИ!»

Ещё ниже другим почерком:

«А ВЫ НЕ ВОРОВАТЬ ЧУЖИХ МУЖЕЙ!»

Я одобрительно хмыкнула. У дома, очевидно, имелась насыщенная общественная жизнь. Квартира находилась на шестом этаже. Я вышла из лифта, сверилась с номером и направилась к нужной двери.

Позвонить не успела.

— Вы к Зинаиде?

Я обернулась.

Из соседней квартиры выглянула пожилая женщина в зелёной кофте. На голове блестели бигуди, в руке была тряпка, которой она, видимо, готовилась отразить любое вторжение.

— Здравствуйте. Я к Оксане Сергеевне.

— Значит, к Зинаиде.

— Можно и так.

Женщина внимательно осмотрела меня с головы до ног.

— Родственница?

— Нет. По работе.

— А-а.

Она протянула «а-а» таким тоном, будто я призналась в ограблении банка.

— Значит, вещи приехали забирать?

— Разбирать.

— Конечно. Всем теперь только вещи и нужны.

Я решила, что разговор начинает приобретать неприятное направление.

— Извините, меня ждут.

— А вы знаете, что она вчера приходила?

Я остановилась.

— Кто?

— Зинаида Матвеевна.

Я посмотрела на соседку внимательнее.

На вид ей было около семидесяти. Маленькие живые глаза цепко следили за моим лицом. Такой женщине достаточно пяти минут у подъезда, чтобы составить биографии всех жильцов.

— Вы уверены?

— Молодая женщина, вы мне сколько лет дадите?

Вопрос был опасный.

— Шестьдесят пять?

Она заметно смягчилась.

— Семьдесят три. И я пока не выжила из ума. Зинаиду знаю двадцать шесть лет. Мы с ней и на дачу вместе ездили, и в поликлинику. Я её в любом пальто узнаю.

— Вы видели её лицо?

Соседка замялась.

— Со спины видела.

— Тогда как же вы поняли, что это она?

— А кто ещё? Пальто её. Берет её. И ходит она точно так же.

— Как?

— Прихрамывает на левую ногу. Три года назад на льду упала, с тех пор берегла её.

— А когда вы её видели?

— Вчера. В девять вечера. Может, чуть позже. Я мусор выносила.

— И что она делала?

— Подошла к двери, стала открывать.

— Открыла?

— Не знаю. Я обратно пошла.

— А почему не поздоровались?

— Потому что…

Соседка внезапно замолчала.

— Потому что что?

Она посмотрела на дверь квартиры, возле которой мы стояли.

— Потому что я её в пятницу хоронила. Собственными глазами видела гроб.

Последние слова женщина произнесла тихо. Без привычной соседской бойкости. И вот тут соседская сплетня впервые прозвучала страшно. Тут дверь распахнулась.

На пороге появилась высокая темноволосая женщина лет сорока в светлом брючном костюме.

— Вы Софья Андреевна?

— Да.

— Проходите, пожалуйста.

Она заметила соседку, и лицо её сразу изменилось.

— Лидия Романовна, мы ведь вчера всё обсудили.

— Обсудили, — обиженно подтвердила та. — Только от разговоров мёртвые по квартирам ходить не перестают.

— Это была не тётя!

— А ты сама видела?

— Я прекрасно знаю, что тётя умерла!

— Вот и я знаю.

Спор грозил затянуться до ночи. А мне платили за разбор шкафов, не за посредничество между живыми и мёртвыми.

— Простите, — вмешалась я, — может, мы начнём с осмотра квартиры?

Оксана ухватилась за моё предложение.

— Конечно. Проходите.

Я вошла.

За спиной ещё раздалось:

— А пальто-то было её! Синее!

Дверь захлопнулась.

Оксана прислонилась к ней спиной и закрыла глаза.

— Извините. Соседка со вчерашнего вечера всем пересказывает эту историю.

— Ничего страшного.

— Лидия Романовна хорошая женщина, но фантазия у

неё невероятная. В прошлом году она уверяла весь подъезд, что на третьем этаже поселился известный актёр.

— А поселился?

— Водитель автобуса. Усы, правда, действительно были кинематографические.

Я улыбнулась.

Оксана наконец немного расслабилась.

— Раздевайтесь. Сейчас всё покажу.

Прихожая была узкой, но аккуратной: старенькая обувница, зеркало, полка для головных уборов. На крючках — три пальто.

Коричневое.

Серое.

И тёмно-синее.

Я невольно задержала взгляд на последнем. Тёмно-синее пальто было старомодным, но добротным. На воротнике зацепились несколько светлых волосков; возле пуговицы болталась нитка.

— Это тётино? — спросила я.

Оксана проследила за моим взглядом.

— Да. Хотите, сниму?

— Нет, пока не нужно.

Внизу виднелась тонкая светлая полоска засохшей грязи. Подол синего пальто был испачкан — будто его задели о мокрую стену или порог.

Пятно шло не по всей кромке, а только с одного боку.

— Тётя часто гуляла? — спросила я.

— До последнего времени. Потом совсем слабая стала. Неделю почти не выходила.

— Понятно.

Оксана направилась в комнату. Я пошла следом, но задержалась у порога. Пятно можно было посадить когда угодно, даже до болезни хозяйки.

Ничего необычного — если не считать вчерашней «покойницы».

И всё-таки из головы не выходили слова соседки:

«Вчера видела. Пальто её. Берет её».

Я прислушалась. На площадке Лидия Романовна всё ещё недовольно бормотала о синем пальто. Если бы она разглядела человека получше, никто бы теперь не гадал, верит ли весь дом в привидений.

* * *

Квартира была трёхкомнатной и выглядела так, словно несколько десятилетий здесь никто не решался ничего выбросить.

Старой её делали не столько обои, сколько вещи, которые стояли на своих местах после ухода людей, давно переставших ими пользоваться.

На каждой полке хранился отдельный кусочек чьей-то жизни. Фотографии, журналы, фарфоровые статуэтки, вязаные салфетки, коробочки, вазочки — у каждого предмета будто имелось оправдание, почему он остался.

Сервант был набит посудой так плотно, словно хозяйка ждала гостей из нескольких соседних подъездов.

— Тётя ничего не выбрасывала, — смущённо произнесла Оксана.

— Я заметила.

— Вы возьмётесь?

— Возьмусь. Но сначала всё внесём в опись. Документы, фотографии, письма и ценности откладываем отдельно. Без вашего согласия ничего не выбросим.

— Это замечательно.

Мы прошли в гостиную. Оксана показала шкафы, антресоли, кладовку и две комнаты, заваленные книгами. У тёти Зины, судя по всему, была страсть к чтению.

На полках стояли детективы, любовные романы, сборники кулинарных рецептов и толстенные справочники по садоводству. В серванте обнаружилась целая стая фарфоровых птиц.

— Господи, — вздохнула Оксана. — Я и забыла про них.

— Коллекционировала?

— Больше ста. Тётя говорила: птицы приносят счастье. И каждому гостю почему-то показывала одну и ту же синицу.

Я взяла одну фигурку. Маленькая белая синица с голубыми крыльями.

— Красивая.

— Можете забрать, если хотите.

— Спасибо, но сначала всё внесём в опись.

Оксана посмотрела на меня почти с благодарностью.

— Вы так спокойно ко всему относитесь.

— Профессиональная привычка.

— Я почти не спала. Здесь всё как при ней. Даже чашка стоит на привычном месте. А я привела чужого человека разбирать её жизнь…

Она замолчала.

Я положила птичку обратно.

— Вы были близки с тётей?

— Очень. Она меня почти вырастила: мама работала допоздна, отец рано умер. После школы я бежала сюда, и тётя всегда оставляла мне что-нибудь вкусное.

— А потом?

— А потом я выросла. Появились муж, дети, работа. Я всё собиралась приехать надолго, а приезжала на двадцать минут.

Оксана произнесла это без жалобы — будто зачитала собственный приговор.

— В последнее время она обижалась. Я думала, ещё успею всё исправить.

В её голосе не было обиды на тётю. Только обида на себя, которую исправить уже нельзя.

— Она жила одна?

— Да. Муж умер давно, детей у них не было.

— А кто за ней ухаживал, когда она заболела?

— Помощница. Алла. Приходила несколько раз в неделю.

Убирала, продукты приносила, лекарства покупала.

— Надёжная женщина?

— Кажется, да.

Слишком осторожное «кажется» для человека, которому доверяли больную родственницу.

— Вы её хорошо знаете?

— Нет. Тётя сама нашла её через знакомых.

Оксана подошла к окну и поправила занавеску.

— Я не верю в мистику, но мне здесь не по себе. Будто тётя выйдет из спальни и спросит, по какому праву мы трогаем её вещи.

Я хотела сказать, что память о человеке не хранится в старых коробках. Но сама не была в этом уверена.

Ответить я не успела. Из прихожей донёсся негромкий звук.

Щёлк.

Потом ещё один. Оксана резко обернулась.

— Вы слышали?

— Да.

Вид у Оксаны был такой, словно она уже приготовилась увидеть хозяйку квартиры в коридоре.

Из коридора снова донеслось:

Щёлк.

Я посмотрела на Оксану.

Она побледнела.

Я вспомнила, что возле двери стояла какая-то старая тех-

ника.

— У вас замок автоматический?

— Что?

— Замок. Когда закрываете дверь, он защёлкивается сам?

— Да.

В прихожей обнаружился источник шума. Возле двери, на небольшом столике, лежала связка ключей. На металлическом кольце болтался красный пластмассовый брелок.

На столике стояли старая настольная лампа и кухонный таймер с покосившимся рычажком. Таймер отмерял уже неизвестно что и каждые несколько секунд сухо щёлкал.

При мне щёлкнул снова. Я повернула ручку на ноль.

— Вот ваш призрак. Работает от батарейки.

Оксана нервно рассмеялась.

— Боже мой. Я уже сама начинаю сходить с ума.

— После похорон даже обычный звук способен напугать.

Я подвинула лампу, чтобы поставить таймер подальше от края. И увидела под ней сложенный вчетверо лист бумаги. Белая бумага, аккуратно сложенная вчетверо.

Сверху было написано крупными буквами:

«ОКСАНЕ. ЛИЧНО».

— Это ваше? — спросила я.

Оксана приблизилась.

Посмотрела на бумагу. И вдруг схватилась за край столика.

— Нет…

— Что случилось?

Она медленно взяла листок.

Развернула.

Прочитала.

Она посмотрела на меня так, что шутки окончательно испарились.

— Софья Андреевна…

— Да?

— Это почерк моей тёти.

— И что она пишет?

Оксана протянула мне бумагу.

Записка была короткая.

«Оксана, ничего не трогай в моей спальне. Я вернусь за своими вещами в четверг. До тех пор никого туда не пускай.

Зинаида».

В правом верхнем углу стояла дата.

Понедельник.

Вчерашний день.

А похороны Зинаиды Матвеевны состоялись в пятницу.

Глава 2. Письмо с того света

Я перечитала записку трижды: всё ещё хотелось обнаружить в ней невинную шутку.

Например: «С первым апреля!».

Но был октябрь, а Зинаиду Матвеевну похоронили четыре дня назад.

— Вы уверены, что это её почерк? — спросила я.

Оксана кивнула.

— Да. У неё буква «д» с таким длинным хвостиком. Посмотрите.

Я посмотрела.

Хвостик и правда уходил под следующую строку. Но чужую подпись, как известно, подделать проще, чем чужую жизнь.

— Подделать почерк можно, — сказала я.

— Но кто? И зачем?

Вопросы были превосходные. Ответов у меня пока не имелось.

Зато за плечами был сорок один год жизни и богатый опыт общения с людьми, готовыми на многое ради денег.

— Когда вы последний раз были в квартире? — спросила я.

— В субботу. Приходила забрать документы после похорон. Потом заперла дверь и уехала.

— Записка здесь была?

— Нет.

— Точно?

— Нет. Я здесь всегда кладу ключи. Лампа стояла на том же месте, а бумаги не было.

Я посмотрела на листок. Если Оксана говорила правду, выходило, что кто-то побывал в квартире после субботы. И этот кто-то оставил записку от имени покойной.

Разговаривать о воскресении тёти я пока не собиралась. Не верила в подобное. И не имела соответствующей строки в прайс-листе.

— У кого ещё есть ключи? — спросила я.

— У меня. У тёти были свои. Наверное, ещё у Аллы.

— У помощницы?

— Да.

— А у других родственников?

Оксана задумалась.

— У Кирилла, возможно. Это мой двоюродный брат. Но я не уверена.

— Вы с Кириллом близки? — спросила я.

Она усмехнулась.

— Мы стараемся друг друга не убить на семейных праздниках.

— Ага. Значит, близкие отношения.

— Кирилл считает, что квартира должна была достаться ему.

Я подняла глаза.

— Почему?

— Потому что привык считать чужое имущество своим будущим наследством.

Я улыбнулась.

Шутить Оксана ещё могла. Значит, окончательно не сдалась.

— А по завещанию квартира ваша?

— Она завещала её мне полтора года назад. В наследство ещё вступать и вступать, но Кирилл уже грозится всё оспорить.

— Кирилл знает?

— Конечно. Был скандал.

— Какой?

— Обычный. С криками, упрёками, воспоминаниями о том, кто кому в детстве покупал мороженое. Кирилл потом месяца три не разговаривал с тётей.

— А потом?

— Помирились. Вроде бы.

Второе неуверенное слово за пять минут. С этой семьёй явно всё было не так просто. Я аккуратно положила записку на стол.

— Послушайте, Оксана. Я, конечно, не следователь…

— Но?

— Но если кто-то входит в квартиру без вашего ведома, это уже повод обратиться в полицию.

— Из-за записки?

— Даже если проникший имел дубликат ключа, стоит выяснить, кто и зачем его использовал. А записку сохраните.

Оксана села на пуфик.

— Господи. Только полиции мне не хватало.

— А что вас смущает?

— Всё! У меня работа, дети, муж… Похороны только закончились. Я и так на нервах.

— Понимаю.

— Может, это Кирилл решил меня напугать?

— Возможно.

— Он способен. Честное слово. В детстве однажды подсунул мне в постель живую жабу.

— Не самый изысканный способ признаться в родственных чувствах.

Оксана неожиданно рассмеялась. Оксана впервые за весь день улыбнулась без усилия.

— Давайте пока осмотрим комнаты и составим предварительную опись. Ничего похожего на следы чужого визита не трогаем, и я посоветую вам обратиться в полицию.

— А спальню?

Я взглянула на записку.

«Ничего не трогай в моей спальне».

В комнате на мгновение стало очень тихо.

— Начнём со спальни. Но без самодеятельности.

* * *

Спальня Зинаиды Матвеевны находилась в конце коридора. Небольшая комната с широким окном, старым комодом, платяным шкафом и кроватью под аккуратным покрывалом.

На тумбочке стояла фотография пожилого мужчины в военной форме. Рядом — маленькая фарфоровая сова. Ещё одна птица.

— Это её муж? — спросила я.

— Да. Дядя Борис. Умер пятнадцать лет назад.

Я подошла к комоду. На нём лежали расчёска, футляр для очков, маленькая вазочка и несколько фотографий. Всё выглядело аккуратно.

Порядок выглядел неуютно образцовым — как после чужой уборки.

— Тётя всегда поддерживала такой порядок?

— Нет, — ответила Оксана. — У неё в последние годы тут настоящий склад был.

— А сейчас?

— Алла, наверное, убралась.

Я открыла рот, чтобы спросить, когда помощница последний раз приходила, но Оксана уже направилась к шкафу.

— Вот здесь у неё постельное бельё. Можно его сразу сложить для благотворительности. Всё новое, она почти не пользовалась.

— Подождите.

Оксана замерла.

— Что?

— Давайте сначала посмотрим, чего вообще нет на месте.

— А как мы узнаем?

— Вы ведь хорошо помните эту комнату?

— Раньше помнила. Сейчас…

Она огляделась.

— Знаете, тётя очень изменилась после смерти мужа. Раньше любила гостей, готовила, устраивала праздники. А потом замкнулась. Всё берегла, откладывала. Говорила: пригодится.

— Это часто бывает.

— У неё даже конфеты лежали со сроком годности десятилетней давности.

— Съедобные?

— Не знаю.

— Если найдём, припасём на случай переговоров с родственниками.

Оксана фыркнула.

Я присела перед комодом. Первый ящик был заполнен платками и салфетками. Второй — документами, квитанциями, гарантийными талонами. Третий не открывался.

Я потянула осторожнее.

Бесполезно.

— Заперт? — спросила Оксана.

— Похоже, заело.

Она подошла и попробовала сама. Ящик выдвинулся сантиметра на два и застрял.

— Странно.

— Возможно, что-то мешает сзади.

— Папки. Тётя туда старые бумаги складывала.

Я присела, посмотрела в узкую щель. Папки действительно лежали в глубине, но ящик удерживало что-то возле боковой стенки.

У самой боковой стенки виднелся уголок плотной картонной коробки.

— Не будем ломать. Зафиксируем и оставим до следующего визита.

Оксана вздохнула.

— Как скажете.

Мы перешли к шкафу. Он был огромный, тёмный, с тяжёлыми деревянными дверцами. Когда я открыла левую створку, оттуда пахнуло нафталином, лавандой и старым деревом.

Внутри аккуратно висели платья, костюмы, несколько кофточек. На верхней полке стояли три коробки, причём одна была металлической и расписанной розами.

Обычная обувная коробка. Металлическая — с розами, похожая на старую коробку от печенья. И небольшая деревянная шкатулка.

И почему-то вспомнила записку.

«Я вернусь за своими вещами в четверг».

— Это тётино? — спросила я.

Оксана взглянула наверх.

— Конечно.

— А что внутри?

— Понятия не имею.

Я подставила стул.

— Можно посмотреть?

— Да, разумеется.

Шкатулка весила неожиданно много для своих размеров. Я осторожно сняла её и поставила на кровать. Тёмное дерево, потёртые углы, маленький металлический замочек.

Оксана наклонилась.

— Я её помню.

— Откуда?

— Тётя хранила там украшения. Ещё когда я маленькая была.

— А ключ?

— Раньше висел у неё на цепочке.

Я посмотрела на замочек.

Ключа не было.

В старых квартирах такие коробочки могли хранить что угодно: пуговицы, серьги без пары или деньги, о которых в семье предпочитали молчать.

— Не будем вскрывать без необходимости, — сказала я.

— Да там наверняка ничего ценного. Тётя всю жизнь носила одно золотое кольцо.

Оксана взяла шкатулку.

Встряхнула.

Внутри что-то едва слышно стукнуло.

— Видите, что-то есть.

— Может, украшения.

Она поставила коробку обратно.

Я взяла блокнот и записала: «Шкатулка деревянная. Заперта. Содержимое неизвестно».

— Вы всё записываете? — спросила Оксана.

— Да. И фотографирую с разрешения заказчика. Иначе непременно выяснится, что в подкладке пальто лежали двести тысяч, а в старом утюге — фамильные бриллианты.

— Такое действительно бывает?

— Бывает и хуже. Однажды женщина три дня искала обручальное кольцо, которое сама же выбросила в банке из-под кофе.

— Нашли?

— Нашли. Вместе с запиской от бывшего мужа.

— И что он написал?

— «Я тебе ничего не должен». Даже после развода мужчина нашёл способ напомнить о себе.

Оксана засмеялась.

Потом вдруг перестала.

— Подождите.

Она смотрела на шкатулку.

— Что?

— Это не та.

Я нахмурилась.

— В смысле?

— У тёти была другая шкатулка. Очень похожая, но с резной крышкой. Там ещё птичка была.

— Может, вы путаете?

— Нет. Я точно помню. В детстве постоянно просила её открыть.

Я снова посмотрела на коробку.

Никакой резьбы.

Гладкая крышка, слегка потемневшая от времени.

— Может, старая шкатулка где-то ещё?

— Возможно.

Но Оксана произнесла это неуверенно.

Находка могла оказаться простым совпадением. Но почему-то мне захотелось проверить остальные полки особенно внимательно.

* * *

К половине четвёртого мы осмотрели почти всю спальню. Ничего откровенно криминального не обнаружилось. Одежда была на месте. Документы лежали в папках. Деньги, по словам Оксаны, тётя держала на банковском счёте.

А резная шкатулка, о которой вспомнила Оксана, так и не нашлась. И ещё одна вещь не давала мне покоя.

— Оксана, а как умерла ваша тётя?

Она медленно повернулась.

— Что?

— Простите за вопрос. Просто хочу понять обстоятельства.

— Сердце. Она давно болела.

— Умерла дома?

— Да.

— Кто её нашёл?

— Алла. Утром пришла, а тётя лежит в кровати. Уже без сознания. Вызвала скорую, но было поздно.

— Когда это случилось?

— В среду.

Я невольно перевела взгляд на кровать. Шесть дней. В среду здесь умерла женщина, в пятницу её похоронили.

А в понедельник кто-то взял её пальто. И оставил записку той же датой. Слишком много событий для квартиры, в которой больше никто не жил.

— Вы сказали, что у помощницы есть ключи?

— Да.

— Она после похорон сюда приходила?

— Нет. По крайней мере, мне ничего об этом не известно.

— А номер её телефона у вас есть?

Оксана достала мобильный.

— Сейчас найду.

Пока она листала контакты, я ещё раз обошла комнату. На прикроватной тумбочке лежал небольшой блокнот в цветочной обложке.

Обычный, рублей за пятьдесят. Я открыла его. На первых страницах были записаны телефоны, расписание приёма врачей и список продуктов.

На одной странице аккуратно выведено:

«Купить: хлеб, молоко, таблетки, корм для птиц».

Ниже другой список:

«Позвонить Ксюше».

Я остановилась.

Ксюше.

Не Оксане.

Перевернула страницу.

«Сказать Ксюше про Кирилла».

Ещё страницу.

«Ксюша обещала заехать».

Я вернулась к записке, которую оставила на столике в прихожей.

«Оксана, ничего не трогай в моей спальне».

Возможно, ничего особенного. Люди иногда называют родственников полными именами.

Покойная везде писала «Ксюша». Почему же в посмертной записке — холодное, официальное «Оксана»?

Пожалуй, одну мелочь стоило запомнить. Я закрыла блокнот.

— Нашла! — объявила Оксана. — Алла Петровна Селезнёва. Сейчас позвоню.

Она нажала вызов.

Мы подождали.

Гудок.

Второй.

Третий.

Наконец кто-то ответил.

— Алло?

Голос был женский, довольно низкий.

— Алла Петровна? Здравствуйте. Это Оксана, племянница Зинаиды Матвеевны.

— Здравствуйте, Оксана Сергеевна.

— Извините, что беспокою. Хотела кое-что уточнить.

— Конечно.

Оксана посмотрела на меня.

Я кивнула.

— Скажите, вы после похорон тёти заходили в её квартиру?

На другом конце провода наступила тишина.

Довольно долгая.

— Нет, — ответила женщина после паузы. Слишком длинной для простого «нет».

— А ключи у вас остались?

— Какие ключи?

— От квартиры.

— Да, остались. Я собиралась вам их передать.

— А когда сможете?

— Завтра. Или послезавтра. Сейчас я занята.

Я подошла ближе. Оксана включила громкую связь.

— Алла Петровна, — сказала она, — здесь происходят странные вещи.

— Какие?

— Соседка утверждает, что вчера видела тётю.

В трубке что-то стукнуло. Потом раздался шорох.

— Что значит видела?

— Вчера вечером. Возле квартиры. В тётином пальто.

Алла Петровна снова замолчала.

— Это глупости, — сказала она наконец.

— Конечно, глупости. Но у нас ещё записка нашлась.

— Какая записка?

— Написанная тётиным почерком. Якобы вчера.

Я услышала, как женщина резко вдохнула. Голос Аллы дрогнул.

— Да.

— Одна?

— Нет, со мной женщина, она помогает разбирать вещи.

— Уходите оттуда.

Оксана растерянно посмотрела на меня.

— Что?

— Не надо ничего разбирать. Пожалуйста. Закройте квартиру и уходите.

— Алла Петровна, вы можете объяснить…

— Особенно не трогайте вещи в спальне.

Мы обе замерли. Я медленно протянула руку. Оксана отдала мне телефон.

— Алла Петровна, — сказала я, — меня зовут Софья Андреевна Белова. Я занимаюсь разбором квартиры. Почему

нельзя трогать спальню?

Тишина.

— Алла Петровна?

— Я ничего не знаю.

— Но вы только что попросили нас не трогать вещи.

— Я сказала, что не знаю!

Связь оборвалась.

Мы посмотрели друг на друга.

— Ну вот, — произнесла Оксана. — Теперь и она.

Я запомнила, где лежали ключи и как Оксана держала записку. Эта странная бумага явно требовала внимания не меньше, чем пропавшая шкатулка.

Что-то здесь было не так. И никакое привидение здесь было ни при чём.

* * *

Через десять минут Оксана решила, что на сегодня с неё достаточно. Я не возражала. Мы договорились продолжить работу завтра, после того как она попытается связаться с помощницей ещё раз.

Записку я предложила сохранить отдельно, не складывая и не выбрасывая. Оксана положила её в прозрачную папку. На выходе я задержалась у вешалки.

Синее пальто по-прежнему висело на крючке. Я посмотрела на воротник.

На подол.

Потом осторожно спросила:

— Оксана, тётя курила?

— Никогда. А что?

— Просто спросила.

Я уже собиралась выйти, когда заметила в кармане пальто краешек чего-то белого. Я уже взялась за дверную ручку, когда заметила из кармана белый уголок.

— Можно посмотреть?

Оксана кивнула.

Я аккуратно отогнула край кармана, не доставая находку. Это была узкая полоска кассового чека. На вид совсем свежая.

— Вы знаете, когда тётя последний раз надевала это пальто?

— Не раньше начала прошлой недели. В последнее время она почти не выходила. Почему?

— Кажется, здесь лежит чек.

Оксана взглянула на меня.

— И что?

— Пока ничего.

Я показала ей бумажку. В верхней строке читалось название круглосуточного магазина возле дома. А ниже — дата.

Понедельник.

И время.

21:07.

Оксана побледнела.

— Этого не может быть.

Я посмотрела на часы. Потом на пальто. Лидия Романовна утверждала, что видела покойную примерно в девять вечера. Теперь в кармане её пальто лежал чек, отпечатанный в девять часов семь минут.

Кто-то носил пальто после похорон. И, скорее всего, именно накануне.

И, судя по всему, вчера вечером.

Я выпрямилась.

— Оксана, звонить в полицию всё-таки придётся. Здесь кто-то побывал без вашего ведома.

За дверью на площадке послышались шаги.

Потом звякнули ключи.

Кто-то остановился возле квартиры.

И спокойно, будто имел на это полное право, вставил ключ в замочную скважину.

Глава 3. Родственники с собственным ключом

Замок провернулся с сухим металлическим хрустом.

Оксана открыла рот, но я успела приложить палец к губам. Не знаю, зачем. Наверное, мне хотелось увидеть человека, который считал себя вправе войти в чужую квартиру без предупреждения.

Дверь приоткрылась сантиметров на двадцать и упёрлась в мой ботинок.

— Есть кто живой? — раздалось из-за двери.

Оксана ахнула.

А я подумала, что если за дверью действительно стоит воскресшая Зинаида Матвеевна, то после всего случившегося меня уже ничем не удивить.

— Кто там? — спросила я.

Дверь дёрнулась ещё раз.

— А вы кто?

— Начнём с вас.

— Я к себе… то есть к тётке. Открывайте!

Оксана отодвинула меня и распахнула дверь.

На площадке стоял плотный мужчина лет сорока пяти. Кожаная куртка отливала благородным блеском девяностых. Под мышкой он держал газету, в руке — связку ключей.

— Кирилл! — выдохнула Оксана.

Мужчина уставился на неё.

— А ты что здесь делаешь?

— Интересно, — сказала она. — А ты?

Он посмотрел поверх её плеча, заметил меня и нахмурился.

— Ты уже квартиру продаёшь?

— Я её разбираю. Это Софья Андреевна, специалист.

— Специалист по чему? По выносу семейного имущества?

Мне захотелось представиться специалистом по выносу неприятных родственников, но я удержалась.

— По организации пространства, — ответила я.

Кирилл с сомнением оглядел прихожую.

— Здесь организовывать нечего. Надо просто всё оставить как было.

— Почему? — спросила Оксана.

— Потому что это наша семейная квартира.

— По завещанию — моя.

— Квартира завещана мне. В наследство я ещё не вступила, но это не даёт тебе права приходить без предупреждения.

— Вот и оспаривай. В суде. А сейчас объясни, почему у тебя ключи.

Кирилл потряс связкой.

— Тётя сама дала. Чтобы за квартирой присматривать.

— Когда?

— Давно.

— До похорон ты про ключи ни слова не сказал.

— Ты не спрашивала.

Ответ человека, который считал наглость разновидностью юридической грамотности.

Я присмотрелась к ключам. На связке висела маленькая медная рыбка с облупленным хвостом. Таких брелоков я не видела лет двадцать.

— А вчера вечером вы сюда приходили? — спросила я.

Кирилл перестал разглядывать меня и наконец посмотрел прямо в глаза.

— Нет. А что?

— Кто-то заходил в квартиру. Соседка видела человека в пальто вашей тёти.

— И что теперь? Покойница воскресла?

— Это мы и пытаемся понять.

— Вы? — Кирилл усмехнулся. — А вы, простите, вообще какое отношение имеете к нашей семье?

— Я здесь по приглашению Оксаны Сергеевны. Вы же, кажется, никого не предупредили.

Оксана сложила руки на груди.

— Кирилл, вчера здесь оставили записку от имени тёти. И кто-то надевал её пальто. Я сейчас позвоню в полицию.

Он сразу перестал улыбаться.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Из-за бумажки? Мы своих покойников теперь по участ-

кам таскать будем?

— Кирилл, либо ты отдаёшь ключи, либо объясняешь полицейским, зачем явился без звонка.

— Отдам, когда будет нотариус, — отрезал он. — И вообще, мне нужны некоторые вещи Бориса Петровича. Они должны были достаться моему отцу.

— Какие вещи?

— Альбом. И часы.

Он сказал это слишком быстро, будто приготовил ответ заранее. Кирилл произнёс это так быстро, словно заранее выучил объяснение.

— Значит, время пришло.

Мне показалось, что он смотрит не на Оксану, а в сторону спальни.

— А шкатулки у вашей тёти были? — спросила я как можно беззаботнее.

Кирилл повернулся резко.

— Какие ещё шкатулки?

— Деревянные. Мы составляем опись.

— Там всякого добра навалом. Не знаю я, что у неё было.

Пауза выдала его лучше любых слов. Оксана достала телефон.

— Я вызываю полицию.

— Вызывай, — буркнул Кирилл. — Очень семейно получится.

И тут из соседней квартиры донёсся громкий голос:

— Я предупреждала!

Лидия Романовна появилась так стремительно, словно всё это время стояла за дверью в полной боевой готовности. Бигуди исчезли, зато на кофте красовался фартук с огромной клубникой.

— Я же говорила, что покойница тут ни при чём! — объявила соседка, указывая на Кирилла.

— Лидия Романовна, — устало сказала Оксана, — пожалуйста, идите домой.

— А я у себя дома! Это вы в коридоре шумите. И вообще, у меня вчера кошка с девяти до десяти под кроватью просидела. Животные всё чувствуют.

— У вас нет кошки, — заметил Кирилл.

— Так это соседская была! Тем более подозрительно.

Я заметила, что Кирилл смотрит на Лидию Романовну с неподдельным раздражением. Не испугом — именно раздражением. А она, увидев его связку, вдруг прищурилась.

— Постой-ка. Рыбка-то у тебя от Бориса?

— Что?

— Брелок. Борис Петрович его из Ялты привозил. Помню, мы ещё смеялись, что он на воблу похож.

— Ну и что?

— А ничего. Значит, старый ключ у тебя.

Я запомнила эти слова. Иногда соседки знали об устройстве семейной жизни больше, чем семейные адвокаты.

* * *

Полиция приехала через сорок минут.

Полиция приехала через сорок минут. За это время Кирилл четырежды пообещал суд, а Лидия Романовна принесла пирожки с капустой. Я съела два: раз уж день превратился в детектив, следовало хотя бы не расследовать его голодной.

Первым вошёл молодой сотрудник в форме. Он представился, уточнил, кто вызвал наряд, выслушал Оксану и попросил показать записку. Следом появился мужчина в тёмно-сером пальто, с короткой стрижкой и усталым, но внимательным взглядом.

— Павел Миронов, следователь. Вызов передали мне из-за возможного проникновения и пропажи вещей. Давайте спокойно разберёмся, что известно точно.

Голос у него был спокойный. Такой человек мог бы объявить о конце света и тут же поинтересоваться, у всех ли имеются документы.

Оксана заговорила первой. Быстро, сбиваясь, перескакивая с похорон на пальто и обратно.

Миронов не перебивал. Только один раз уточнил:

— Вы сами видели, кто приходил в понедельник вечером?

— Нет. Соседка.

— А записку когда обнаружили?

— Сегодня. При Софье Андреевне.

Соседка называла время после девяти, когда шла с мусором. Чек подтверждал, что пальто могло вернуться в дом примерно тогда же, но личности его владельца мы пока не

знали.

Следователь перевёл взгляд на меня.

— Вы и есть Софья Андреевна?

— Да. Я занимаюсь разбором квартир.

— И находите в них письма от покойников?

— Пока впервые. Обычно попадаются квитанции за коммунальные услуги и солёные огурцы.

В уголке его рта что-то дрогнуло. Я честно перечислила и то, что нам не следовало трогать до приезда полиции: записку, ящики и пальто.

— В следующий раз, если подозреваете проникновение, лучше дождаться нас, — сказал Миронов.

— В следующий раз постараюсь выбирать покладистых клиентов.

— Буду вам признателен.

Следов взлома не нашли. Кирилл утверждал, что ключ ему отдала сама тётя, и Оксана не исключала этого. Вопрос о доступе постороннего человека оставался открытым.

— Пропажа подтверждена? — спросил Миронов.

— Не совсем, — призналась Оксана. — Была одна шкатулка, теперь не можем найти. Но вдруг она просто в другом месте?

— Пока это предположение. Запишем, что шкатулку не удалось найти. И, пожалуйста, больше не разбирайте квартиру до завершения осмотра.

Я кивнула. Для моей фирмы это означало потерянный ра-

бочий день, но возражать я не собиралась. Кирилл демонстративно посмотрел на часы.

— Я свободен?

— Сейчас уточним, когда вы в последний раз заходили сюда и с кем можете подтвердить своё местонахождение в понедельник вечером.

— Я был на дне рождения у коллеги. С семи до одиннадцати. Десять человек видели.

— Фамилии назовёте.

— Назову.

— Хорошо. А ключи на время проверки оставьте по описи.

Кирилл побагровел, но после короткого спора связку всё-таки отдал. Рыбка жалобно звякнула о стол. Когда он вышел, я заметила, как Оксана облегчённо выдохнула.

Миронов достал чистый пакет для документов.

— Оригинал записки понадобится для проверки. Пальто и чек тоже пока не трогайте: их осмотр оформим отдельно. Оксана Сергеевна, нужно будет подписать заявление. Вы сможете задержаться?

— Конечно.

Я собиралась попрощаться, но следователь вдруг спросил:

— Вы сказали, что в блокноте умершая называла племянницу Ксюшей?

— Да.

— А в записке — Оксаной?

— Именно.

— Любопытно. Не доказательство, но любопытно.

Он достал телефон и сделал пометку.

— Вы профессионально замечаете вещи не на своих местах.

— Это профессиональное. Когда разбираешь чужой шкаф, важно отличать дорогой кашемир от старой тряпки.

— А людей?

— На людях, к сожалению, этикеток с составом характера нет.

На этот раз он улыбнулся открыто. И я, к собственному неудовольствию, заметила, что улыбка ему очень идёт.

* * *

На улицу я вышла в сумерках.

Октябрьский воздух пах мокрыми листьями и чьими-то жареными котлетами. В окнах горел свет. Жизнь продолжалась так буднично, словно никто сегодня не предъявлял записок от покойницы.

Я дошла до машины и обнаружила сообщение от Кати:

«Ты жива? Пуговица съел половину моего шарфа. Вторую оставил из уважения».

Следом пришло второе:

«Если не приедешь, я составлю на него завещание. Всё имущество — приюту, псу — диета».

Катя была моей лучшей подругой со студенческих лет. В стоматологической клинике она умела успокоить даже чело-

века, которому только что сообщили о стоимости импланта. А дома успешно изображала строгую воспитательницу для моего пса.

Я уже набрала ответ, когда из подъезда вышел Кирилл. Он не заметил меня. Подошёл к припаркованному у тротуара чёрному автомобилю и достал телефон.

— Не вышло, — говорил Кирилл по телефону. — Оксана уже там, ещё и постороннюю привела. Полиция приезжала… Нет, я ничего не взял. В спальню не попал.

Я невольно присела за открытой дверцей своей машины. Вид у меня, наверное, был великолепный: взрослая женщина в пальто прячется от чужих родственников, потому что профессиональное любопытство окончательно победило воспитание.

— Послушай, — продолжал Кирилл, — если эта вещь действительно там, её надо найти раньше четверга.

Мне перестало быть смешно.

Четверг.

То же самое слово стояло в записке. Кирилл помолчал, выругался и сел за руль. Я выпрямилась только тогда, когда машина скрылась за поворотом.

Возможно, он имел в виду семейный альбом или старые часы. Только почему говорил о четверге — как в записке?

Телефон у меня в руке завибрировал.

Миронов.

— Софья Андреевна? — сказал он. — Извините за позд-

ний звонок. Вы ещё около дома?

— Да.

— Тогда не уезжайте пока. Есть один вопрос по шкатулке.

Я посмотрела вслед машине Кирилла.

Кажется, мой спокойный вторник окончательно отменялся.

Глава 4. Мелочь из круглосуточного

Миронов подошёл через три минуты.

В одной руке у него был телефон, в другой — непропорционально большой бумажный стакан с кофе. Он остановился возле моей машины, посмотрел на открытый багажник и спросил:

— Вы всегда возите с собой столько коробок?

— Нет. Иногда ещё стремянку и рулон мусорных мешков. А сегодня лёгкая версия рабочего дня.

В багажнике лежали складные ящики, маркеры, перчатки и бечёвка. Для постороннего — подозрительный набор. Для меня — всё необходимое, чтобы дать вещам вторую жизнь.

— По поводу шкатулки, — сказал Миронов. — Вы утверждали, что заказчица узнала старую вещь, но потом сказала, что это не она. Вы помните точные слова?

Я повторила разговор. Про резную крышку, птичку и гладкую замену. О том, что в шкатулке что-то стукнуло, тоже рассказала.

— То есть уверенно говорить о краже пока нельзя, — подытожил он.

— Пока нет. Оксана может ошибаться, а шкатулка — лежать в кладовке.

— Правильный ответ.

— Вы ожидали другого?

— Обычно люди уверенно знают, кто виноват, уже через пять минут после происшествия. А потом очень обижаются, когда выясняется, что реальность с ними не согласна.

Я вспомнила Кирилла и постаралась сохранить нейтральное выражение лица.

— А вы всегда так спокойно разговариваете?

— Нет. На родительских собраниях бываю гораздо менее сдержан.

— У вас дети?

— Сын. Десять лет. Уверен, что я умею находить пропавших преступников, поэтому обязан найти его вторую футбольную бутсу.

— Нашли?

— В холодильнике.

Я мысленно присвоила Миронову звание человека, способного выжить в любой домашней катастрофе. Я могла бы спокойно попрощаться, но внутри всё ещё звенело услышанное возле машины.

— Павел… Простите, Павел…

— Алексеевич.

— Павел Алексеевич, я только что услышала разговор Кирилла по телефону.

Улыбка исчезла с его лица. Я объяснила, где стояла, что слышала и почему не подошла. Постаралась передать фразы дословно, не добавляя собственных догадок.

— Он сказал: «Надо найти раньше четверга»?

— Да.

— Именно так?

— Именно.

Миронов некоторое время смотрел на меня, затем сделал запись.

— Вы специально подслушивали?

— Нет. Случайно. Вообще-то я собиралась домой, спасать шарф подруги.

— От кого?

— От моего пса. Но, боюсь, шарфу уже ничем не поможешь.

Следователь почему-то посмотрел на мой багажник ещё раз.

— Договоримся: обо всём новом сообщайте мне. Только не ходите следом за людьми и не добывайте записи с камер сами. Это небезопасно и мешает проверке.

— Я и не собиралась.

Сказано было искренне. На тот момент.

* * *

Дома меня встретили два существа с одинаково осуждающими лицами. Первым был Пуговица. Он сидел возле двери, сохраняя торжественную позу обиженного человека, которого забыли пригласить на семейный праздник.

Вторым оказалась Катя.

— Соня, я хочу официально сообщить: твой пёс преступник.

— Что он сделал?

— Сначала украл шарф. Потом съел кабачок.

— Кабачок?

— Да. Не спрашивай, откуда он взялся. Главное, он его съел.

— Может, теперь будет здоровее.

— Он у меня на глазах вытащил кабачок из пакета и унёс в спальню. Когда я попыталась забрать, сделал вид, что это ребёнок.

Я посмотрела на Пуговицу. Пёс тяжело вздохнул. Ему, очевидно, надоели обвинения без вещественных доказательств. Катя устроилась за столом, разложила по тарелкам принесённые котлеты и потребовала подробный отчёт о моём дне.

Я пересказала день, опустив детали, которые следователь попросил не разглашать. Катя слушала не перебивая, что поначалу даже тревожило.

Это было так необычно, что я даже проверила, дышит ли она.

— Соня, — произнесла она наконец, — а ты уверена, что женщина умерла?

— Её похоронили.

— Ошибки бывают, — неуверенно сказала Катя.

— В книгах или в жизни?

— В интернете пишут.

— В интернете ещё обещают вылечить бессонницу одним

взглядом на чайник.

— Ну не надо преувеличивать. Но ты сама подумай: покойница ходит по подъезду, пишет записки, покупает что-то в магазине.

— Скорее кто-то притворяется покойницей.

— Вот! Зачем?

Вилку я отложила: мысль прозвучала даже слишком убедительно.

— Чтобы Оксана не заходила в спальню до четверга.

— А что в спальне?

— Шкатулка. Возможно, не та. Запертый ящик комода. И много старых вещей.

Катя задумалась.

— У меня версия.

— Только не экстрасенсы.

— Не обижай. Очень разумная версия. Там спрятано золото.

— Почему золото?

— Потому что если спрятаны старые квитанции, никто не будет ради них переодеваться в покойницу.

В этом, надо признать, была определённая логика.

— Или документы, — заметила я. — Иногда одна бумажка стоит дороже золота.

Катя кивнула с видом человека, который только что раскрыл международную финансовую махинацию.

— Значит, документы на золото.

Я не стала спорить.

Пуговица улёгся под столом. Из его пасти торчала одинокая шерстяная бахрома. Катя заметила её, тяжело вздохнула и перевела разговор на другого подозреваемого.

— А следователь какой?

— Нормальный.

— Симпатичный?

— Мы обсуждали записку.

— Это не ответ.

— Катя.

— Женат?

— Я не спрашивала.

— Разведённая женщина встречает мужчину в чистом пальто, а выясняет, кто и когда писал записку!

— Я не знаю, покупали ли пластырь.

Катя посмотрела на меня как врач на пациента, который самостоятельно назначил себе антибиотики.

— Значит, тебе надо выспаться.

Я была с ней согласна.

Но ночью вместо сна мне снилась синяя спина, медленно поднимающаяся по лестнице, и чей-то голос, повторяющий: «До четверга».

* * *

В среду Оксана позвонила в восемь семнадцать.

В семь пятьдесят восемь Пуговица решил, что мой будильник слишком тихий, и уронил на пол миску. Поэтому к

звонку я уже была бодра, зла и готова совершить что-нибудь административно наказуемое.

— Софья Андреевна, простите за ранний звонок. Мне нужна ваша помощь.

— Что случилось?

— Я хочу поговорить с Аллой Петровной. Она не отвечает. Я знаю её адрес, но одной ехать страшно.

— Почему страшно?

— Не знаю. После вчерашнего мне вообще всё страшно.

Я собиралась сказать, что разумнее обратиться к полиции, но её голос дрогнул:

— Мы ведь договорились, что пока ничего не разбираем. Работу я вам оплачу, даже если она сорвётся. Просто не хочу снова оставаться одна.

Её голос дрогнул. На подоконнике сидела мокрая синица и смотрела на дождь так, будто ей тоже обещали сухую квартиру.

— Хорошо, — сказала я. — Только сначала предупредим Миронова, что собираемся поговорить с помощницей. И никаких самостоятельных расследований.

Мне показалось, что на другом конце провода Оксана улыбнулась.

— Вы так говорите, будто сами себе не верите.

Справедливое замечание.

Миронов ответил не сразу. Я объяснила ситуацию. Он помолчал и сказал:

— Право поговорить с помощницей у вас есть. Только не давите и не пытайтесь добыть доказательства. Всё важное сообщайте мне.

— Я вообще-то вежливый человек.

— Вчера заметил.

— Это звучит сомнительно.

— Так и задумано.

* * *

Оксана попросила заехать в круглосуточный магазин, где в понедельник вечером был напечатан чек. Ей хотелось узнать, кто пользовался тётиным пальто.

Я напомнила, что записи камер и кассовые документы проверяет полиция. Но Оксана хотела купить воды и спросить продавца о женщине. Запретить такой разговор я не могла.

Магазин был крошечным. Два ряда полок, холодильник, витрина с сигаретами и сонная продавщица с пучком на затылке. На бейдже значилось «Нина».

Оксана купила воду, расплатилась и осторожно спросила:

Я заметила, как Оксана нервно мнёт чек из своей покупки. Похоже, ей хотелось получить не просто ответ, а доказательство, что тётя действительно осталась в прошлом.

— Скажите, вы в понедельник вечером работали?

— Работала. А что?

— Я пытаюсь найти человека. Женщина в синем пальто, примерно после девяти. Возможно, была в тёмном берете.

Нина нахмурилась.

— Женщин в пальто много.

— Понимаю. Может, запомнили?

Нина нахмурилась, вспоминая смену.

— В девять я уже стояла за кассой. Приходила женщина в длинном синем пальто. Берет серый, шарф почти до глаз.

— Молодая? — спросила Оксана.

— Лица не разглядела. Она просила разменять деньги, а потом купила широкий пластырь. Я ещё подумала: ногти ухоженные, а пальцы заклеены.

Я почувствовала, как напряглась Оксана.

— Вы уверены насчёт пластыря?

— Два пластыря взяла, самых широких, и воду. Сказала, что порезалась.

— А ногти были накрашены? — спросила я.

— Нет, просто ухоженные. Не знаю я, как объяснить. Руки видела, лица не видела.

Оксана благодарно кивнула. Мы вышли на улицу.

— Это была женщина, — прошептала она.

— Возможно. Пока у нас только слова продавщицы. Лицо она не видела.

— Но ногти!

— Ухоженные ногти есть у многих. Не станем по ним искать преступницу.

На крыльце Оксана внезапно остановилась.

— Знаете, тётя терпеть не могла пластыри. Говорила, что

от них кожа чешется.

Я посмотрела на неё.

— Это любопытно, но пластыри покупала явно не ваша тётя. Вопрос — кто и зачем.

Оксана тут же отправила Миронову название магазина, время и слова продавщицы.

Алла Петровна жила на другом конце района, в доме с облицованным плиткой фасадом и удивительно узкими балконами. По дороге Оксана вдруг спросила:

— Софья Андреевна, а вы замужем?

— Уже нет.

— Дети есть?

— Нет. Есть пёс с очень широким понятием о частной собственности.

— А я двадцать лет замужем, — тихо сказала она. — И последние месяцы всё чаще ловлю себя на мысли, что живу рядом с человеком, которого почти не знаю.

Она сказала это, глядя в боковое окно машины. Мне захотелось спросить о муже ещё раз, но я промолчала: иногда чужую правду нельзя вытянуть раньше времени.

Я не стала спрашивать почему.

Но запомнила.

Глава 5. Женщина, которая боялась говорить

Алла Петровна открыла дверь после четвёртого звонка.

Перед нами стояла невысокая женщина лет пятидесяти пяти. Поверх халата она наскоро накинула кофту, светлые волосы стянула резинкой. Глаза покраснели от недосыпа.

— Оксана Сергеевна… — произнесла она, увидев нас. — Я же просила не приезжать.

— Вы ничего подобного не просили, — спокойно ответила Оксана. — Вы сказали уйти из тётиной квартиры. А потом бросили трубку.

Алла посмотрела на меня.

— И вы с ней?

— Я Софья. Мы вчера разговаривали по телефону.

— Помню.

Вид у неё был такой, будто она очень хотела закрыть дверь. Но в конце концов она отступила в сторону.

Квартира Аллы была маленькой и безупречно чистой. На кухне пахло крепким чаем и чем-то лекарственным. На холодильнике висела фотография подростка с баскетбольным мячом.

— Сын? — спросила я, скорее чтобы разрядить обстановку.

— Внук. Учится в колледже.

Она отодвинула стул и предложила сесть. Никакого чая не предложила.

Это меня даже обрадовало: я и без того успела выпить утром две чашки, и сердце уже проявляло излишний интерес к событиям.

— Алла Петровна, — начала Оксана, — вчера вы сказали, что нельзя трогать спальню. Почему?

— Я была взволнована.

— Из-за чего?

— Из-за ваших разговоров про покойницу.

— Но вы сами сказали именно про спальню. Не про квартиру вообще.

Алла стиснула руки. Алла растерянно теребила край кофты. Она явно боялась, что любой ответ будет истолкован против неё.

— Зинаида Матвеевна в последнее время плохо спала, — наконец произнесла она. — Уставала, всё забывала. Могла бумаги переложить и потом сама не помнить. Не надо было сразу разбирать её вещи.

— Я вас не спрашиваю, когда нужно разбирать вещи, — сказала Оксана. — Я спрашиваю, почему вы испугались.

Тон у неё стал резким. Алла сразу напряглась.

— Потому что я уже один раз попала в неприятности из-за этой квартиры.

Оксана замолчала.

— Какие неприятности?

— В понедельник утром мне звонил Кирилл Викторович. Сказал, что из спальни пропали деньги и что это я их взяла. Я ответила, что не знаю никаких денег. Он пригрозил заявлением.

— Кирилл? — переспросила Оксана. — Но откуда он знает, что в спальне пропали деньги?

— А вот этого я не знаю. Он сказал, что тётя ему рассказывала.

Я вытащила блокнот.

— Скажите, в понедельник утром он звонил на ваш мобильный?

— Да.

— Сохранился звонок?

— Должен.

— Покажете Оксане? Потом она передаст информацию полиции.

Алла поколебалась, но достала телефон. В списке вызовов действительно был понедельничный звонок с номера, который Оксана узнала как номер Кирилла.

Я отметила для себя: если Кирилл утром понедельника уже искал бумаги, значит, поиски начались раньше появления «покойницы».

— А вы сами заходили сюда после смерти Зинаиды Матвеевны? — спросила Оксана.

Алла уставилась на стол.

— Я же сказала, что нет.

— Вы уверены?

— Уверена.

Я не вмешивалась. По собственному опыту знала: человеку, который хочет соврать, лучше не мешать. Иногда он сам запутывается раньше, чем закончишь задавать вопросы.

— Тогда почему, — тихо спросила Оксана, — тётин цветок стоит теперь в другом месте?

Алла подняла голову.

— Какой цветок?

— Фикус. До похорон он стоял у окна спальни. Вчера я нашла его в гостиной. Я решила, что вы переставили.

Алла побледнела.

— Я переставила. Но это было…

Она осеклась.

— Когда? — спросила Оксана.

Несколько секунд слышно было только тиканье настенных часов.

— В пятницу вечером, — сказала Алла.

— После похорон?

— Да.

— Но вы только что…

— В пятницу вечером. После похорон пришла полить цветы и забрать кофту. Но Кирилл потом обвинил меня в краже, и я испугалась, что вы подумаете то же самое.

Оксана медленно выдохнула.

— Почему же вы солгали вчера?

— Мне было стыдно признаться, что приходила без вашего ведома. Простите.

Я могла понять её страх. Не оправдать ложь, но понять.

— Вы были в спальне в пятницу вечером? — спросила я.

— Да. Переставила фикус, чтобы на листья не дуло из форточки. И закрыла окно. Больше ничего.

— Шкатулку с резной птичкой видели?

Алла вздрогнула.

— Какую шкатулку?

— Деревянную. С птицей на крышке.

Она перевела взгляд на Оксану, потом на меня.

— Видела. Зинаида Матвеевна хранила в ней старые фотографии и какие-то письма. Никому не разрешала открывать.

— Когда последний раз видели?

— Во вторник. За день до её смерти. Шкатулка стояла на комоде, рядом с зеркалом.

— А в пятницу?

Алла закрыла глаза, припоминая.

— Нет. В пятницу комод был пустой. Только расчёска и очки. Я подумала, родственники забрали.

Я перестала писать. Шкатулка исчезла между вторником и пятницей. Теперь у пропажи появился хотя бы временной промежуток.

— А гладкая шкатулка на верхней полке? — спросила я.

— Такая тоже была. Старая, от часов. Она много лет там

лежала.

Значит, гладкая шкатулка не была подменой. Мы с Оксаной сами построили красивую версию, которая не выдержала первой проверки.

— Вы сказали, что Кирилл обвинял вас в краже денег, — вернулась я к главному. — А Зинаида Матвеевна говорила вам о деньгах?

— О деньгах — нет.

— О документах?

Алла опустила глаза.

— Немного.

Оксана подалась вперёд.

— Что она говорила?

— Она говорила, что совершила глупость: хотела помочь родному человеку, а теперь не знает, как рассказать об этом Ксюше.

В груди у меня что-то неприятно дрогнуло.

Ксюше.

Тётя называла племянницу именно так даже при посторонних.

— Какому человеку? — спросила Оксана.

— Не знаю. Она не сказала. Только просила, чтобы я, если с ней что-то случится, не дала никому выбросить её старые бумаги.

— И вы поэтому испугались, когда я наняла Софью?

— Да. Мне показалось, что вы всё выкинете. А я обещала

сохранить.

— Но почему вы ничего не сказали сразу?

Алла посмотрела на Оксану с выражением отчаянной усталости.

— Потому что после похорон мне сказали не вмешиваться в семейные дела.

— Кто сказал?

Она замолчала.

— Кирилл?

— Нет.

— Тогда кто?

Алла поджала губы. И я вдруг увидела, как сильно дрожат её пальцы.

— Если вам угрожали, лучше рассказать полиции. Мы не можем обещать, что сами во всём разберёмся.

Она покачала головой.

— Он не угрожал. Просто предупредил.

Оксана медленно поднялась.

— Кто — он?

Алла посмотрела ей прямо в лицо.

— Ваш муж.

* * *

Оксана не сразу села обратно. Я видела, как она собирается что-то сказать, но слова не находятся.

— Денис? — наконец спросила она.

Алла кивнула.

— Денис приезжал за несколько дней до смерти. Они спорили на кухне. Я слышала, как она сказала: «Я больше ждать не стану». А он ответил: «До конца месяца всё будет».

— Денис ездил к тёте? — Оксана нахмурилась. — Он мне ничего об этом не говорил.

— Может, просто не счёл нужным, — осторожно сказала я.

Но Оксана будто не услышала.

— Что было дальше?

— После похорон он остановил меня у подъезда. Спросил, что говорила хозяйка перед смертью. А потом велел не лезть в семейные дела и вернуть ключи.

— И вы вернули?

— Нет. Он торопился, сказал передать Оксане. Ключи у меня дома. Вот они.

Алла достала из ящика кухонного стола небольшую связку, положила перед племянницей. Оксана долго смотрела на ключи.

— Денис в понедельник был за городом, — сказала она наконец. — У него встреча с клиентом. Приехал поздно.

— Вы уверены? — спросила я.

— Он мне сам сказал.

Я не ответила.

Тот факт, что муж сообщил жене о поездке, ещё не означал, что он там действительно был. Но и обвинять человека из-за чужого рассказа было нельзя.

— Надо передать всё это Миронову, — произнесла я.

Алла заметно побледнела.

— Вы думаете, мне теперь придётся давать показания?

— Если понадобится, да. И лучше рассказать самой, чем потом выяснится, что вы что-то скрыли.

Она кивнула.

Мы попрощались. На пороге Алла внезапно придержала меня за рукав.

— Софья Андреевна, можно на минуту?

Оксана уже спускалась к лифту. Я осталась.

— За день до смерти она просила купить новую тетрадь в клетку и конверт. Сказала, что хочет записать всё, пока помнит.

— Для чего?

— В среду утром, когда я пришла, тетради на столе уже не было. Наверное, она убрала её перед сном.

— Может, она убрала?

— Может. Только она обычно клала важные вещи на самое видное место. А эту я нигде не видела.

— Вы сказали Оксане?

— Нет. И ещё…

Она запнулась.

— Что?

— Она велела мне запомнить одну фразу. Я подумала, у пожилого человека просто нервы шалят. Теперь не знаю.

— Какую фразу?

Алла подалась ближе.

— «Птичка не в клетке. Птичка наверху».

Я уставилась на неё.

— Вы уверены, что именно так?

— Просила передать Ксюше, если сама не успеет.

Я поблагодарила Аллу и вышла на площадку. Лифт ещё стоял на этаже. Оксана держала двери открытыми.

— Ну что? — спросила она.

— У нас появилась ещё одна загадка.

— Господи, Соня, можно хоть одну без загадок?

Я впервые услышала от неё своё короткое имя.

В тесном лифте я вдруг ощутила неловкость. Мне платили за разбор квартиры, а я всё глубже погружалась в жизнь этой семьи.

Мы вошли в лифт.

— Алла вспомнила слова вашей тёти, — сказала я. — Про птичку. Что она не в клетке, а наверху.

Оксана нажала кнопку первого этажа.

— Наверху? — повторила она. — Может, на верхней полке?

Я посмотрела на неё. Вчера в шкафу мы нашли гладкую шкатулку. А резную — нет. Но ведь в гостиной стояла целая коллекция фарфоровых птиц.

И вдруг мне пришло в голову, что «птичка» вовсе не обязательно была изображением на крышке деревянной шкатулки.

Может, покойная пыталась сообщить совсем о другом. Двери лифта разъехались. На улице зазвонил телефон Оксаны.

На экране высветилось: «Денис».

Она посмотрела на меня, провела пальцем по экрану и включила громкую связь.

— Да, — сказала она.

— Ты где? — спросил муж.

— По делам.

— Опять у тётки?

— Нет. А что?

— Ничего. Просто хотел предупредить: сегодня вечером я сам заеду туда. Надо кое-что забрать.

Оксана побелела.

— Что забрать?

На другом конце линии раздался короткий раздражённый выдох.

— Старую коробку из спальни. Она мне нужна. Ты всё равно её выбросишь.

Глава 6. Коробка для приличного человека

— Какую коробку? — спросила Оксана.

Мы стояли у подъезда Аллы Петровны, а с козырька капала вода. Я подумала, что вместо «Лишнего нет» следовало открыть бюро по разбору чужих семей: работы хватило бы надолго.

— Зелёную, — ответил Денис. — Картонную. У тёти в спальне, в нижнем ящике комода. Я свои бумаги там оставлял.

Оксана медленно подняла глаза на меня.

Картонная коробка в нижнем ящике комода — именно тот предмет, который мы вчера видели в щели. Значит, Денис знал о нём заранее.

— Какие бумаги? — спросила жена.

— Рабочие. Ксюша, не устраивай допрос по телефону. Мне надо их забрать.

— Почему они у тёти?

— Потому что я однажды здесь их оставил. Что в этом удивительного?

— Ты же говорил, что давно к ней не приезжал.

Трубка молчала несколько секунд.

— Я говорил, что не был здесь на прошлой неделе.

— Нет, Денис. Ты сказал: «Не помню, когда последний

раз у неё был». Я прекрасно помню.

Он раздражённо выдохнул.

— Послушай. Я сейчас всё равно поеду туда. Открой мне квартиру.

— Не открою.

Хотелось пожать Оксане руку. Не каждому удаётся сказать твёрдое «нет» человеку, которому двадцать лет уступаешь во всём.

— В смысле?

— В прямом. Полиция попросила ничего не трогать. Если бумаги твои, заберёшь их после осмотра.

— Ты собираешься привлекать полицию из-за моих документов?

— Не из-за твоих. Из-за человека, который ходил по квартире в пальто покойной женщины.

— Какая ещё женщина?

Оксана посмотрела на телефон.

— А я разве говорила, что это женщина?

Денис ответил не сразу.

— Ну ты же говорила про тётю. Я и подумал… Ладно. Дома поговорим.

Он отключился.

Оксана некоторое время не двигалась.

— Двадцать лет, — сказала она наконец.

— Что?

— Двадцать лет мы женаты. Когда Денис врёт, он сначала

сердится, а потом начинает придираться к словам.

Я сунула блокнот в сумку.

— Это ещё не значит, что он сделал что-то преступное.

— Зато значит, что он что-то скрывает.

С этим спорить было трудно.

* * *

В кафе напротив варили плохой кофе, зато пирожное с вишней на несколько минут примиряло с человечеством. Оксана аккуратно отодвинула тарелку.

— Я совсем не голодна.

— Тогда я могу избавить вас от этого тяжёлого бремени.

Она улыбнулась и передвинула пирожное ко мне. Мы начинали находить общий язык. Хотя обстоятельства знакомства я предпочла бы другие.

— Расскажите про Дениса, — попросила я.

— У него фирма: материалы для ремонта офисов. Раньше дела шли хорошо, теперь заказчики задерживают оплату. Последние два года он почти не бывает дома и всё время разговаривает по телефону.

— Вы работаете вместе?

— Нет. Я в издательстве, занимаюсь договорами с авторами. Денис всегда говорил, что дома достаточно одного человека, который разбирается в бумагах.

— Не самый плохой принцип. Жаль, что соблюдает его только половина семьи.

Оксана провела пальцем по краю чашки.

— Тётя спрашивала о фирме. Я отвечала, что всё нормально. Она так расстроилась, что мне стало неловко. Теперь понимаю почему.

— Он мог у неё занимать деньги?

— Мог. Но зачем скрывать от меня?

Люди нередко скрывают от близких неприятности, а потом удивляются, что те вырастают вдвое.

— У тёти были сбережения? — спросила я.

— Да. Она продала дачу года два назад. Ещё у неё оставались деньги дяди Бориса. Но она тратила мало.

— Денис знал об этом?

— Все знали. Даже Кирилл.

Я невольно вспомнила телефонный разговор во дворе: «Надо найти раньше четверга». Возможно, эти слова не имели никакого отношения к деньгам. Но чем больше мы узнавали, тем меньше я в это верила.

— Оксана, надо передать Миронову всё, что сейчас сказал Денис. И про коробку тоже.

— Я отправлю сообщение.

Она достала телефон и долго печатала. Затем задумалась.

— Больше всего обидно не то, что он мог занять у неё деньги. А то, что тётя знала и молчала. Значит, они оба решили за меня, какую правду я выдержу.

Оксана не плакала. Она разглаживала бумажную салфетку, пока та не превратилась в тонкий мокрый комок. В такие минуты понимаешь, что семейная ложь измеряется не толь-

ко суммами в расписках.

Я не нашлась с ответом.

* * *

К семи я вернулась домой с двумя неприятными новостями: аренду склада никто не отменил, а Пуговица превратил пакет макарон в декорации археологических раскопок.

Катя сидела на табуретке и выражала неодобрение всем своим видом.

— Я оставила его одного на пятнадцать минут, — объявила она. — На пятнадцать! За это время он успел открыть шкаф. Соня, у него пальцы отрастут раньше, чем у нас мозги.

— Он умный.

— Он организованная преступная группа из одного пса.

Пуговица улёгся на коврик и положил морду на лапы. Ему явно надоели несправедливые обвинения.

Мы собрали макароны. Катя сварила новые: в отличие от меня, она не считала чай и два пирожных полноценным ужином. За едой я рассказала ей о подозрительных бумагах, не раскрывая того, что просил не разглашать следователь.

— Значит, муж ищет бумаги, брат ищет вещи, помощница боится бумаги, а племянница вообще не знает, что происходит, — подытожила Катя. — Весёлая семейка.

— Примерно.

— А твоя работа в чём заключается?

— Разобрать шкафы.

— Ты уже пять дней разбираешь их отношения.

— Только два, Катя.

— По ощущениям пять. Я даже успела состариться.

Она положила перед Пуговицей собачье лакомство. Пёс взял его с благородством человека, принимающего награду за добросовестную службу.

— Ты ведь завтра снова туда? — спросила Катя.

— Если полиция разрешит. Оксана хочет, чтобы я присутствовала, когда будут смотреть комод.

— А следователь?

— Что следователь?

— Присутствует?

— Возможно.

— Соня, когда ты говоришь «возможно», у тебя меняется лицо.

— На какое?

— На такое, как будто нашла платье, которое тебе идёт, но не готова признаться, что оно тебе нравится.

— Ты невыносима.

— И всё же ты с меня не берёшь плату за хранение дружбы.

Когда Катя ушла, я разложила на кухонном столе свои заметки. Хронология получалась упрямой: вторник — резная шкатулка ещё на месте; среда — смерть Зинаиды; пятница — шкатулки уже нет; понедельник, 21:07 — чек в кармане пальто; четверг — назначенное возвращение за вещами.

Рядом написала имена: Оксана, Денис, Кирилл, Алла.

Четыре человека.

Каждый что-то скрывал. Но пока я не могла понять, кому была нужна записка от имени умершей. Я уже собиралась закрыть блокнот, когда зазвонил телефон.

Миронов.

— Софья Андреевна, добрый вечер. Извините, что поздно.

— Ничего. У меня как раз освободилось время после разборки мебели.

— У вас новый заказ?

— Разгромленный шкаф с макаронами. Клиент весит сорок три килограмма и платить отказался.

Он тихо усмехнулся.

— Завтра в десять часов будем повторно осматривать спальню вместе с хозяйкой. Она попросила, чтобы вы присутствовали как специалист, знакомый с расположением вещей. Вы сможете?

— Конечно.

— И ещё просьба. Если Денис Громов позвонит вам лично, ничего с ним не выясняйте. Мы с ним поговорим.

— Вы тоже подозреваете его?

— Я проверяю факты, а не выбираю виновного.

— Павел Алексеевич, а вы вообще умеете говорить прямо?

— Когда есть что сказать точно — умею.

Я хотела пошутить в ответ, но почему-то не стала.

— Тогда до завтра, — произнесла я.

— До завтра, Софья Андреевна.

Он уже собирался отключиться, когда я вспомнила одну деталь.

— Постойте. Денис точно назвал зелёную коробку и нижний ящик. Мы туда не добрались. Откуда он знает, что коробка не исчезла вместе со шкатулкой?

Миронов помолчал.

— Вот это завтра и спросим.

* * *

В половине одиннадцатого вечера Оксана прислала сообщение: «Денис дома. Говорит, что всё объяснит завтра. Спасибо за сегодня».

Я положила телефон и выключила свет.

Пуговица устроился поперёк дверного проёма, предусмотрительно заняв место, через которое я должна была пройти утром.

Я думала о том, что в этой квартире могли и не прятать никаких драгоценностей.

Только правду.

А самой опасной находкой вполне могла оказаться правда.

Глава 7. Нижний ящик и верхняя полка

В тот день я забыла в сумке резиновую курицу Пуговицы.

Вместо блокнота она выпала на стол в спальне покойной. Без головы, зато с достоинством человека, которому есть что сообщить следствию.

Миронов посмотрел на неё.

— Это для работы?

— Для моральной поддержки.

— Помогает?

— Пока не очень.

Он аккуратно подвинул мне стул.

В квартире пахло кофе, свежим воздухом из открытого окна и старой полировкой. Лидия Романовна принесла пирожки с картошкой и успела сообщить, что накануне вечером видела Дениса возле дома.

— Он не поднимался, — уточнила она, стоя в дверях. — В машине сидел. Полчаса, не меньше.

— Откуда знаете? — спросил Миронов.

— Я на балконе цветы поливала.

— В десять вечера?

— Они у меня капризные. Поливаю, когда вспомню.

Я бросила на Лидию Романовну взгляд, полный уважения. Ради достоверной соседской хроники эта женщина была го-

това полить фикус даже во время снегопада.

Павел Алексеевич поблагодарил её и попросил на время оставить нас. Она удалилась, не скрывая разочарования.

В спальне уже работал специалист, которого следователь представил как сотрудника, помогающего провести осмотр. Старый комод фотографировали, осматривали щель в нижнем ящике. Оксана согласилась, чтобы его осторожно сняли с направляющих.

Я стояла возле двери и старалась ничего не трогать. Мне страшно хотелось заглянуть внутрь. Я спрятала руки в карманы и занялась самым трудным видом работы — ожиданием.

Картонная коробка застряла между боковой стенкой и стопкой бумаг. Её вытащили. Зелёная — но не целиком: от долгих лет хранения края потемнели и стали почти коричневыми.

Оксана судорожно выдохнула.

— Это она?

— По описанию похоже, — сказал Миронов. — Но пока не будем делать выводов.

В коробке лежали папка с тесёмками, пожелтевший конверт, несколько фотографий и пачка банковских квитанций.

Первой мне бросилась в глаза фотография молодого мужчины в военной форме. На обороте было написано: «Боря, июнь 1974».

— Это дядя, — тихо сказала Оксана.

Дальше обнаружились документы с фамилией Громов. Сначала доверенность на получение товара, давно просроченная. Потом два листа, скреплённые скобой.

Миронов прочитал верхний лист, не меняясь в лице, затем аккуратно положил его на стол.

— Оксана Сергеевна, ваш муж упоминал, что занимал у Зинаиды Матвеевны деньги?

Она покачала головой.

— Нет.

— Предположительно копия расписки на два миллиона четыреста тысяч. Подпись — Дениса Громова, дата — весна прошлого года. Надо будет проверить подлинность.

Оксана закрыла глаза.

Я посмотрела на неё. Вчера в кафе она почти уверенно предполагала, что муж мог занимать. Но одно дело предполагать, а другое — увидеть собственную фамилию под чужой тайной.

— Может, он вернул? — сказала она наконец.

— Это предстоит установить.

В коробке нашёлся лист с датами переводов и короткими пометками, выведенными крупным почерком: «Обещал в июне», «В сентябре попросил ещё месяц», «Ксюше не говорить — пока сам не объяснит».

Я узнала изгибающуюся букву «д». Очень похожую на ту, что была в записке «с того света».

Только здесь Зинаида Матвеевна писала «Ксюше».

— Павел Алексеевич, — сказала я, — посмотрите, пожалуйста, на это слово.

Он посмотрел, затем на меня.

— Вы правы. Разница сохраняется.

— Что за разница? — спросила Оксана.

— В посмертной записке обращение официальное, — ответил Миронов. — В личных бумагах — уменьшительное. Само по себе это ничего не доказывает, но в совокупности важно.

Оксана молча села на кровать. Хотелось утешить Оксану. Но любое оправдание Дениса сейчас звучало бы так, будто я помогаю ему скрывать долг.

* * *

Неожиданное обнаружилось на дне коробки.

Маленький прямоугольник картона, вырезанный из старой тетрадной обложки. На нём было написано: «Если не успею, отдать Ксюше лично».

Картон был прикреплён к конверту канцелярской скрепкой. Конверт оказался пустым. Конверт был пуст. Один край разорван, словно бумагу доставали поспешно.

— А что там было? — спросила Оксана.

— Пока не знаем, — ответил Миронов.

Он попросил её вспомнить, кому ещё тётя могла доверять свои финансовые документы. Оксана назвала Аллу, Кирилла и Дениса. Затем, немного подумав, добавила, что у Зинаиды Матвеевны была знакомая нотариус, но последние годы они

почти не общались.

— Странно, — сказала я. — Копию спрятала в заедающий ящик, а то, что считала самым важным, — куда?

Миронов взглянул на коробку.

— Возможно, то, что она собиралась передать племяннице, лежало отдельно.

Мне вспомнилась новая тетрадь в клетку, которую приносила Алла. Тетрадь исчезла ещё в день смерти. Я рассказала об этом следователю, добавив дословно: «Птичка не в клетке. Птичка наверху».

Павел Алексеевич выслушал внимательно.

— Почему вы не сказали раньше?

— Я собиралась, но вмешались звонки. Исправляюсь.

— Макароны?

— Это длинная история с большими материальными потерями.

Миронов попросил повторить фразу ещё раз и записал её в блокнот.

— Значит, есть вероятность, что умершая оставила указание, где искать бумаги. Но не будем вскрывать все шкафы подряд. Сначала закончим осмотр, потом сверимся с теми, кто знал её привычки.

Я кивнула.

Обычно я не люблю, когда мной командуют. С Мироновым вышло досадное исключение: он предпочитал сначала подумать, и это обезоруживало.

* * *

В гостиной шкаф-витрина занимал почти всю стену.

За стеклом рядами стояли синицы, снегири, ласточки, воробьи и совершенно нелепый розовый фламинго. Каждую фигурку хозяйка подписала: где-то номер, где-то дата подарка.

Оксана устало прислонилась к косяку.

— Их не меньше ста двадцати. Тётя говорила, что каждая напоминает о каком-нибудь хорошем дне.

Я внимательно посмотрела на полки.

— А что она называла клеткой?

— Она шутила: «Птички у меня под стеклом, зато ни одна не улетит». Может, сервант называла клеткой?

Я невольно распрямилась.

— Повторите.

— «Птички под стеклом, зато никто не улетит». Почему?

Я посмотрела выше стеклянных дверец. На самом верху шкафа, почти под потолком, стоял один-единственный фарфоровый скворец. Не за стеклом.

С пола почти не различить, что стоит наверху. Но Зинаида Матвеевна, похоже, оставила подсказку для человека, который знал её привычки.

Птичка не в клетке.

Птичка наверху.

— Павел Алексеевич, — осторожно сказала я, — вам не кажется, что пора позвать стремянку?

Миронов подошёл, запрокинул голову, посмотрел на скворца.

— Кажется. Но сначала всё сфотографируем.

И тут раздался звонок в дверь. Не один раз. Три длинных, настойчивых звонка подряд.

Оксана побледнела.

— Это Денис, — сказала она.

Я посмотрела на скворца.

До скворца было два метра. До двери — несколько шагов.

Мне совсем не хотелось, чтобы Денис видел, что именно привлекло наше внимание.

Глава 8. Гость, который пришёл за чужим

Денис Громов вошёл в квартиру с таким видом, будто явился принимать ремонт у нерадивых строителей.

Высокий, аккуратно подстриженный, в дорогой куртке. Такие мужчины умеют нравиться с первого взгляда и раздражаться, когда перестают управлять впечатлением.

— Ксюша, я же просил тебя позвонить, когда освободишься.

— А я просила тебя объяснить, какие бумаги ты ищешь, — ответила Оксана.

Только теперь Денис заметил Миронова.

— А вы кто?

— Павел Алексеевич Миронов. Нам нужно задать вам несколько вопросов.

Денис быстро оглядел гостиную, открытый шкаф и коробку на столе.

— Что, устроили следствие против моей жены?

— Мы проверяем сообщения о проникновении и пропавших вещах, — ответил Миронов. — Заодно выясняем происхождение документов. Начнём с вашей просьбы забрать коробку.

— Там мои бумаги.

— Почему они оказались у Зинаиды Матвеевны?

— Зинаида Матвеевна помогала моему бизнесу. Держала кое-какие мои бумаги.

— Договоры?

— В том числе.

— А расписка на два миллиона четыреста тысяч рублей тоже ваш рабочий документ?

Оксана подняла голову. Денис посмотрел на неё, затем на Миронова.

— О какой именно расписке вы говорите?

У Дениса дрогнул уголок рта. Он посмотрел на коробку так, как смотрят на закрытую дверь, за которой уже кто-то услышал весь разговор.

Я почти не дышала. Денис успел за минуту переменить и тон, и выражение лица.

— Копия расписки с вашей подписью, — уточнил Миронов. — Подлинность и обстоятельства её составления ещё предстоит установить.

— Эти деньги я уже вернул.

И сказал это слишком поспешно.

Оксана побледнела.

— Ты только что спросил «какая расписка».

— Потому что не понял, о какой именно речь!

— Сколько ты у неё брал, Денис?

— Ксюша, мы дома поговорим.

— Нет. Мы сейчас поговорим. Тётя умерла, а я узнаю о её деньгах от чужого человека.

— От сотрудника полиции, — спокойно уточнил Миронов. — Вопросы о долге будут проверены, но семейный спор я предлагаю не устраивать здесь.

Денис сжал челюсти.

— Хорошо. Брал. Но это между нами. Семья тут ни при чём.

Я посмотрела на Оксану.

Двадцать лет общего стола, двое детей, общие покупки — и долг перед тётей жены вдруг объявляется делом, к которому семья не имеет отношения.

— Подтверждение возврата денег у вас есть? — спросил Миронов.

— Есть. У бухгалтера. Принесу.

И тут Денис вдруг повернулся ко мне.

— А вы зачем здесь? Я вас вчера видел у дома.

— Работала, — ответила я. — А вы, кажется, сидели в машине.

— Вы за мной следите?

— Нет. Я даже за собственным псом уследить не могу.

Миронов кашлянул, скрывая улыбку. Денис улыбаться не собирался.

— Оксана, мне очень не нравится, что чужая женщина участвует в наших семейных делах.

— А мне не нравится, что в наших семейных делах участвуют деньги умершей тёти, о которых я ничего не знала.

Мысленно я снова пожала ей руку. На этот раз — за то,

что она не стала извиняться за свои вопросы.

* * *

После разговора Денис ушёл не сразу. Долго искал в телефоне какие-то файлы, просил Оксану отойти на минуту, потом снова спрашивал, когда сможет забрать документы.

Миронов объяснил ему, что вопрос об их принадлежности и значении предстоит проверить. Громов оставил контактные данные и наконец направился к выходу.

Уже в коридоре у него зазвонил телефон.

— Да, Вера, — сказал он негромко. — Я сам разберусь. Ничего не делай.

Я услышала только эту фразу, потому что следователь как раз попросил меня показать, где мы вчера видели гладкую шкатулку.

Когда я вернулась в прихожую, Денис уже стоял у лифта.

— Павел Алексеевич, — сказала я, — а кто такая Вера?

— Откуда мне знать?

— Денис с ней разговаривал. Сказал, чтобы ничего не делала.

— Запишу. Но не додумывайте остальную часть беседы.

— Я и не сочиняю. Первая половина пока не очень хороша.

Он явно устал от моей способности оказываться там, где кто-то недоговаривал.

— Софья Андреевна, вы замечательно наблюдаете. Давайте на этом и остановимся.

Я вздохнула.

Даже если Миронов когда-нибудь пригласит меня на свидание, прежде попросит не нарушать порядок осмотра меню.

* * *

Когда специалист закончил с документами, Миронов разрешил при нас осторожно снять с высокого шкафа скворца. Перед этим его положение сфотографировали. Оксана принесла устойчивую стремянку, которой пользовалась ещё тётя.

— Вы не полезете, — сказала я следователю. — У вас работа ответственная, а у меня страховка от несчастных случаев имеется.

— У вас тоже работа, — возразил он.

— Зато я лучше знакома с чужими верхними полками.

Скворца снимал специалист. Я стояла рядом с видом человека, которому строго запретили открыть собственный подарок. Фигурка оказалась тяжёлой, с тёмно-синими крылышками и маленькой сколотой точкой на хвосте.

— Тётя его очень любила, — прошептала Оксана. — Дядя Борис привёз ей скворца из Ленинграда. Он был первым в коллекции.

Миронов осторожно повернул фигурку. На дне было приклеено круглое суконное основание. Оно немного отходило по краю. Под сукном виднелась тонкая полоска белой бумаги.

Мне показалось, что воздух в комнате закончился.

— Значит, это и правда не просто поговорка, — тихо сказала Оксана.

Миронов не стал извлекать бумагу на месте. Попросил упаковать предмет отдельно и зафиксировать состояние основания.

— Вскроем аккуратно, чтобы ничего не повредить, — пояснил он.

— А вдруг там записка? — спросила Оксана.

— Возможно.

Я посмотрела на следователя.

— Вас в детстве никогда не дразнили за слово «возможно»?

— Постоянно. Зато теперь за него иногда благодарят.

Он улыбнулся, и мне вдруг стало немного легче.

В этом безумии нашёлся хотя бы один человек, который не стеснялся сказать «не знаю».

* * *

На улице возле моего автомобиля стояла Лидия Романовна. В одной руке — хозяйственная сумка, в другой — зонтик, хотя небо было ясное.

— Ну что, разобрались? — спросила она вместо приветствия.

— Пока нет.

— А я вспомнила одну вещь. Про ту женщину в пальто.

Я насторожилась.

— Какую?

— Сумка соскользнула у неё с плеча, и я увидела серебристую заколку. Три маленьких камушка. Зина такие никогда не носила.

— А почему раньше не сказали?

Лидия Романовна обиделась.

— Так меня никто про заколки не спрашивал! Всё спрашивали лицо да лицо. Я лица-то и не видела.

Я поблагодарила её и позвонила Миронову. Он выслушал сообщение без единой шутки, уточнил, когда соседка разглядела украшение, и сказал, что сам поговорит с ней.

Я убрала телефон.

Серебристая заколка с тремя камушками.

Мелочь.

Иногда одна мелочь отделяет мистику от плохой человеческой выдумки.

Глава 9. Женщина с серебряной заколкой

В пятницу утром я собиралась вести себя образцово.

В планах было разобрать два шкафа на Преображенке, помириться с будильником и забыть о привидениях.

Он посмотрел на меня, взял зубами ботинок и ушёл под стол.

Первый пункт плана провалился ещё до завтрака.

Вторая рухнула в девять сорок, когда позвонила Оксана.

— Соня, можно вас попросить об одном?

— Смотря о чём.

— Встретиться со мной в обед. Я не хочу снова разговаривать с Денисом одна.

— Он что-то сказал?

— Денис признался: денег не возвращал. Говорит, скоро получит платёж и всё отдаст. Но меня теперь тревожит другое.

— Что именно?

— Он спросил, почему я не сказала ему про птицу.

Я медленно села на край кровати.

— Про скворца?

— Да. Я сказала, что эту фигурку нашли при осмотре. А он побелел и спросил, что внутри.

— Но ведь мы ещё сами не знаем, что внутри.

— Вот именно.

Я помолчала.

— Вы не спрашивали, откуда он знает, что внутри что-то есть?

— Спросила. Он ответил: «Тётя любила прятать деньги в старых вещах». И сразу ушёл в другую комнату.

Я посмотрела на лежащий посреди кухни ботинок. Пуговица уже успел вернуть добычу и теперь сидел у миски с видом невинного свидетеля.

— Оксана, вы Миронову сказали?

— Отправила сообщение. Он ответил, что свяжется со мной после проверки.

— Тогда встретимся. Только без попыток выяснять, кто во что переодевался.

— Соня, вы снова говорите так, будто уговариваете прежде всего себя.

К сожалению, она была права.

Я пообещала себе не устраивать никаких проверок. Оксане нужна была поддержка, а не ещё один самозваный следователь.

* * *

В кафе Оксана появилась с женщиной, которую я раньше не видела. Лет сорока, светловолосая, в бежевом пальто, с сумкой на плече. Волосы придерживала серебристая заколка с тремя маленькими камушками.

У меня мгновенно исчез аппетит.

— Софья, знакомьтесь, это Вера Николаевна, — сказала Оксана. — Она работает у Дениса бухгалтером. Хочет объяснить насчёт долга.

Вера протянула руку. На среднем пальце левой руки белел широкий пластырь. Рукопожатие у неё было сухим и коротким.

Я пожала ей руку и постаралась не смотреть на заколку.

— Очень приятно.

— Взаимно, — сказала она. Голос был низкий, чуть хрипловатый.

Мы сели. Оксана заказала чай. Вера отказалась от всего, даже от воды, и аккуратно положила перед собой папку.

— Денис Сергеевич попросил меня подготовить сведения о переводах, — сказала она. — Все деньги были направлены на закупку материалов. Мы ничего не присваивали.

— А вернуть должны были? — спросила Оксана.

— Вернуть мы должны, — ответила Вера и на секунду отвела глаза. — Просто сроки сдвинулись.

— На сколько?

— Без денег в срок не всегда получается, — добавила она.

Когда «сроки сдвинулись» произносят про чужие миллионы, мне хочется уточнить, куда именно они сдвинулись и кто должен их догонять.

— Вера Николаевна, — спросила я, — вы лично знали Зинаиду Матвеевну?

Она поджала губы.

— Один раз видела.

— Когда?

— Год назад. Приходила подписывать документы.

— А после смерти заходили в её квартиру?

Вера выпрямилась. Сумка упёрлась ей в колени.

— С какой стати?

— Просто уточняю.

Оксана положила чашку.

— Соня, ты что-то хочешь сказать?

Я не успела ответить. Телефон завибрировал. Миронов. Я извинилась и отошла к окну.

— Софья Андреевна, вы сейчас с Оксаной Сергеевной? — спросил он.

— Да. И с Верой Николаевной, бухгалтером её мужа.

Пауза затянулась.

— Где вы?

Я назвала адрес.

— Никуда не уходите. И не пытайтесь её задерживать, если захочет уйти.

По его голосу я поняла, что на этот раз он говорит не из любви к служебным инструкциям.

— Что случилось?

— На записи с камеры человек в синем пальто расплачивается в понедельник около девяти вечера. Чуть позже женщина снимает берет и поправляет волосы. На ней заколка с тремя светлыми камнями. Мы пока не говорим, что это кон-

кретный человек.

Я посмотрела сквозь стекло на столик. Вера что-то быстро объясняла Оксане и вдруг обернулась.

— У меня эта женщина перед глазами, — сказала я.

— Поэтому я и прошу: не предпринимайте ничего. Я сейчас приеду.

Я вернулась к столу.

— Простите, рабочий звонок.

Вера встала.

— Мне пора. В офисе ждут документы.

Оксана придержала её за рукав.

— Подождите. Вы же хотели объяснить про расписку.

— Я всё сказала. Остальное пусть решают юристы.

И тут я заметила, что Вера смотрит не на Оксану. На мою сумку. Точнее, на блокнот, который выглядывал из бокового кармана.

Она быстро отвела глаза.

— А вы, — сказала она мне, — вообще не должны вмешиваться. Вы же просто женщина, которая убирает квартиры.

Меня задело не слово «убирает», а презрительное «просто». За эту работу я платила аренду, кормила пса и отвечала перед людьми за их вещи.

Я не ответила грубо лишь потому, что увидела, как побледнела Оксана. Бухгалтер уходила, а ей предстояло возвращаться домой и решать, что делать с человеком, которому она верила двадцать лет.

— Да, — ответила я. — И поэтому привыкла замечать, когда вещи оказываются не на своих местах.

Вера резко взяла сумку и направилась к выходу. Я не встала. Оксана хотела броситься следом, но я удержала её за руку.

— Не надо. Павел Алексеевич уже едет.

* * *

Миронов приехал через двенадцать минут. Мы сидели за столиком, перед нами остывал чай. Вера ушла. Удерживать её никто не пытался.

Миронов внимательно выслушал Оксану, записал фамилию бухгалтера и попросил описать её одежду и заколку. Потом задал ещё несколько вопросов.

— Почему вы не сказали мне, что встречаетесь с ней?

— Я сама только здесь узнала, — призналась я.

Он перевёл взгляд на Оксану.

— Я рассчитывала, что Вера объяснит ситуацию с распиской, — сказала Оксана.

Оксана помолчала и посмотрела на следователя.

— Вы думаете, это она изображала тётю?

— На записи виден человек в пальто, затем — женщина с заколкой. Это серьёзный повод проверить Веру, но украшение само по себе ничего не доказывает.

— Но пластырь, — сказала я.

Миронов посмотрел на меня.

— Что пластырь?

— Продавщица сказала, что покупательница взяла два широких пластыря. У Веры один на пальце.

— Это тоже не доказательство, — ответил следователь. — Но вы правильно сообщили о наблюдении.

Он спрятал блокнот.

— И ещё. Мы исследовали бумагу, которую нашли под сукном скворца. Пока могу сказать только то, что на ней есть рукописный текст, имеющий отношение к денежным обязательствам Дениса Громова. Оксана Сергеевна, нужно будет оформить необходимые действия и поговорить о происхождении документа.

Оксана побледнела.

— Тётя сохранила настоящую расписку?

— Похоже на то, но подлинность ещё предстоит проверить.

Я вспомнила зелёную коробку, пустой конверт, пропавшую тетрадь, слова Аллы и разговор Кирилла возле машины. Всё постепенно обретало очертания.

Не привидение искало забытое имущество. Живые люди пытались найти бумагу, которая могла разрушить аккуратно устроенную ложь.

Миронов попросил Оксану подойти к его машине, чтобы обсудить дальнейшие формальности. Я осталась у окна, размешивая сахар в давно остывшем чае.

Телефон неожиданно загорелся. Номер был незнакомый.

Пришло сообщение:

«Хватит ходить за Громовыми. Вы даже не знаете, что Зинаида Матвеевна собиралась рассказать племяннице. И лучше вам не узнавать».

Я перечитала его дважды.

Потом посмотрела на улицу.

Оксана стояла возле машины Миронова. Они разговаривали, не замечая меня.

Резная шкатулка всё ещё не нашлась. Где-то оставалась и новая тетрадь Зинаиды Матвеевны.

И, судя по сообщению, кто-то очень боялся того, что она успела в ней написать.

Глава 10. Покойница просит объяснений

Если вам когда-нибудь придёт угрожающее сообщение с неизвестного номера, не отвечайте сразу. Особенно если первая мысль — посоветовать отправителю обратиться к врачу.

Я перечитала эсэмэску ещё раз.

«Хватит ходить за Громовыми. Вы даже не знаете, что Зинаида Матвеевна собиралась рассказать племяннице. И лучше вам не узнавать».

Первым делом хотелось написать: «А у меня две одинаковые крышки от кастрюль. Не знаете, откуда?» Но я всё-таки удержалась.

Я сделала снимок экрана и вышла на улицу. Миронов как раз провожал Оксану к машине.

— Павел Алексеевич, — позвала я.

Он обернулся. Наверное, по моему лицу сразу понял, что речь пойдёт не о потерянном собачьем мячике.

— Что случилось?

Я показала телефон.

Он прочитал сообщение, попросил не удалять его и записал номер. Потом спокойно уточнил, отвечала ли я отправителю.

— Нет. Хотя желание было сильное.

— Чего именно хотелось?

— Предложить ему писать понятнее. «Лучше не узнавать» — это ведь совершенно неинформативно. Если человек старается запугать, мог бы хотя бы объяснить, чего опасаться.

Миронов посмотрел на меня без улыбки. Шутка оказалась не ко времени.

— Софья Андреевна, это не приглашение к переписке.

— Я уже догадалась.

— Тогда сегодня — домой. И никаких встреч с Верой Николаевной, Кириллом или Денисом по вашей инициативе.

— Я не собираюсь ни с кем встречаться.

— Хорошо.

— У меня вообще другие планы.

— Прекрасно.

— Купить новые полотенца. Пуговица уничтожил последнее приличное.

Он наконец улыбнулся.

— Вот этим и займитесь. А если придёт ещё что-нибудь подобное, сразу звоните.

Оксана всё это время стояла рядом. Я видела, как она напряглась, когда услышала имя мужа.

— Соня, что за сообщение?

Я колебалась. Но Миронов сам кратко объяснил, что мне написали с неизвестного номера.

— Тётя собиралась мне что-то рассказать? — переспро-

сила Оксана. — О деньгах?

— Возможно, не только о деньгах, — сказал он. — Пока давайте не гадать.

«Возможно» было любимым словом следователя. Я уже подумывала вышить его на подушке.

Мы договорились созвониться утром. Когда Оксана уехала, я ещё немного постояла рядом с Мироновым.

— А вы верите, что тётя умерла сама? — спросила я.

Он не ответил сразу.

— По имеющимся медицинским документам смерть была связана с болезнью сердца. Оснований утверждать обратное сейчас нет. Почему спрашиваете?

— Потому что в этой истории все так старательно врут, что начинаешь подозревать неправду даже там, где её нет.

— Это понятное чувство. Но подозрение — не доказательство.

— Знаю.

— И всё-таки вы продолжаете искать.

— Я ведь начинала с разбора квартиры. Ужасно не люблю оставлять работу незаконченной.

— Тогда надеюсь, нам обоим удастся её закончить.

Я хотела закончить это дело не ради остроумной истории для Кати, а ради Оксаны. За несколько дней она узнала о своём браке больше, чем за предыдущие годы.

* * *

Дома меня ждала Катя с двумя пакетами продуктов и Пу-

говица, сделавший вид, что именно он ходил за покупками.

— Я тебе звонила, — сообщила подруга.

— Видела.

— Пять раз.

— Телефон был занят.

— Если ты попадёшь в криминальную хронику, я узнаю об этом от стоматолога. У нас пациентки приносят новости раньше телевидения.

Я сняла сапоги и рассказала о сообщении. Катя перестала расставлять пакеты.

— Тебе угрожают?

— Похоже, пытаются.

— И ты стоишь тут, как будто тебе прислали рекламу натяжных потолков?

— А что надо делать? Кричать?

— Хотя бы испугаться!

Я села на кухонный стул.

— Испугалась, Кать. Просто не хочу показывать это тому, кто меня запугивает.

Она посмотрела на меня уже без улыбки.

— Хорошо. Тогда ты сегодня ночуешь с закрытой дверью, телефон держишь рядом и никуда не ездишь одна. Я останусь.

— Ты завтра работаешь.

— У меня смена после обеда.

Пуговица воспользовался паузой, вытянул морду к пакету

и аккуратно потянул из него батон.

— А этот, — добавила Катя, отбирая хлеб, — будет охранять нас от преступников, если они принесут колбасу.

Я рассмеялась. Впервые за весь день — совершенно искренне. Но ночью долго не могла уснуть.

Перед глазами стоял шкаф Зинаиды Матвеевны. На верхней полке — обувная коробка, гладкая деревянная шкатулка и металлическая коробка с розами.

Две деревянные шкатулки мы обсудили со всех сторон. О металлической почти забыли. А о третьей коробке никто так и не спросил.

* * *

В субботу я проснулась раньше будильника. Не потому, что стала дисциплинированным человеком. Просто Пуговица улёгся поперёк кровати и вытолкнул меня к самому краю. По его мнению, квартира была приобретена исключительно для него, а я существовала в ней на правах временного обслуживающего персонала.

В девять позвонил Миронов.

— Софья Андреевна, сможете подъехать к дому Зинаиды Матвеевны к одиннадцати? Оксана Сергеевна попросила, чтобы вы присутствовали при дополнительном осмотре вещей.

— Смогу. А Веру нашли?

— С ней устанавливают обстоятельства. Ещё есть вопросы к Кириллу. Пока рассказывать подробности не стану.

— Вы только что не сказали «возможно». Я начинаю волноваться.

— Всё в порядке. До встречи.

Я посмотрела на часы и вздохнула. В моём календаре значилась работа у клиента на Преображенке. Я позвонила, извинилась и договорилась перенести визит на понедельник.

Катя, узнав о планах, сначала возмутилась, потом потребовала номер Миронова, а напоследок сунула мне два бутерброда.

— Чтобы ты хотя бы не умерла голодной в процессе расследования.

— Как трогательно.

— Ты организатор пространства, Соня, не сыщик.

— Это я помню.

— Тогда организуй уже кому-нибудь место в тюрьме и возвращайся.

Она сказала это так сердито, что я поцеловала её в щёку.

* * *

У подъезда меня встретила Лидия Романовна. На ней было светло-сиреневое пальто и шапочка с помпоном. Возле её ног стояла хозяйственная тележка.

— Опять пришли? — спросила она.

— По работе.

— Вы её там ещё долго разбирать будете?

— Надеюсь, сегодня закончим.

Соседка понизила голос:

— А женщину в пальто нашли?

— Этим занимается полиция.

— Я всю ночь думала. Если это не Зина, значит, кто-то нарочно прихрамывал. Я ведь хромоту тоже заметила.

Я остановилась.

— Вы раньше говорили, что она хромала, как Зинаида Матвеевна.

— Зина берегла левую ногу. А эта сначала вроде правую, потом левую. Я тогда решила, что от страха перепутала.

— Почему же вы не сказали этого сразу?

— Я сама не была уверена! — возмутилась соседка. — Лица не разглядела, вот и думала, что ноги тоже перепутала.

Я поблагодарила соседку и поднялась на шестой этаж. Новая деталь ничего не доказывала. Но вдруг сделала происходящее почти комичным: кто-то так старался изображать пожилую женщину, что забыл, с какой ноги она хромает.

Дверь открыла Оксана. Вчера она выглядела измученной. Сегодня — собранной. Волосы стянуты в хвост, на лице почти нет косметики, зато взгляд уверенный.

— Заходите, Соня. Миронов уже здесь.

— Денис?

— У родителей. Я попросила его пока пожить отдельно.

Оксана не просила моего мнения. И правильно делала: этот выбор принадлежал только ей. В гостиной стояли Миронов, ещё один сотрудник полиции и Кирилл.

Кирилл выглядел так, будто провёл ночь в споре с нало-

говой инспекцией и проиграл.

— Опять эта? — буркнул он, увидев меня.

— И вам доброго утра, — сказала я. — Рада, что вы сохранили бодрость духа.

Миронов не дал нам развить беседу.

— Кирилл Викторович хотел кое-что объяснить Оксане Сергеевне. После этого мы продолжим осмотр.

— Я уже всё объяснил, — сказал Кирилл.

— Ей — ещё нет, — ответил следователь.

Оксана скрестила руки.

— Я слушаю.

Кирилл всё ещё держал сложенную газету. Похоже, без неё ему было труднее переживать семейные разборки.

— Ну, Вера мне звонила, — выдавил он.

— Какая Вера? — спросила Оксана.

— Денисова бухгалтерша. Сказала, что у тёти остались документы, которые могут испортить дела фирме. А я решил, что Ксюше тоже не нужны неприятности.

— Ты обо мне заботился? — уточнила Оксана.

— Не передёргивай.

— Когда ты угрожал оспорить завещание, тоже заботился?

Кирилл отвернулся.

— Она обещала заплатить мне, если помогу найти бумаги. Вот и всё.

На слове «заплатить» Кирилл впервые посмотрел не на

Миронова, а на сестру. Она отвела глаза. Этого оказалось достаточно, чтобы он замолчал.

В комнате стало тихо.

— Какие деньги? — спросила Оксана.

— Не назвала сумму. Сказала, получу долю, когда всё уладится. Ей нужны были старая тетрадь и бумаги о займе.

Я вспомнила его слова возле машины: «Надо найти раньше четверга».

— Так это вы ей звонили во вторник? — спросила я.

Кирилл поднял глаза.

— Когда?

— После приезда полиции. Говорили, что не попали в спальню. И что бумаги нужно найти до четверга.

Он поморщился.

— Да. Она обещала забрать всё в четверг. До этого я хотел посмотреть, что именно она ищет. Чтобы потом не сказала, будто там ничего не было.

— Значит, вы не доверяли человеку, который предлагал вам деньги за чужие вещи? — спросила я.

— Зачем издеваться?

— Просто удивляюсь вашей предусмотрительности.

Миронов попросил нас не перебивать. После короткой паузы Кирилл продолжил:

— В среду вечером, после смерти тёти, Вера попросила дать ей ключ для копии. Я разрешил. Она говорила, что нужно забрать свои рабочие документы. Не думал, что она ста-

нет лазить по квартире ночью.

— В среду? — переспросила Оксана. — В день смерти?

— Поздно вечером. Я сам туда не ходил.

— А Алле в понедельник зачем звонил? — спросила я.

Кирилл посмотрел на меня с раздражением.

— Потому что Вера уверяла: бумаги могла унести помощница. Я хотел, чтобы Алла сама призналась, если взяла что-то.

— Обвинили в краже денег, которых никто не видел?

— Я теперь понимаю, что надо было сначала спросить у Оксаны.

Оксана долго молчала.

— Ты мог просто спросить меня, — сказала она.

— Ты бы мне не поверила.

— И совершенно правильно сделала бы.

Кирилл больше ничего не ответил. На этом семейные тайны не закончились. Но Кирилл наконец признал хотя бы собственную жадность.

* * *

Осмотр спальни занял больше времени, чем я ожидала.

Зелёная коробка была уже убрана после предыдущих действий. На комоде остались расчёска, очки и ваза. Из гостиной едва доносились голоса.

Оксана указала на шкаф.

— Вы вчера говорили, что не все вещи там разобраны.

Я кивнула.

— На верхней полке три коробки. Гладкую шкатулку мы осмотрели, металлическую с розами — нет.

Она посмотрела наверх.

— Точно. Я про неё совсем забыла. Тётя хранила там открытки. Когда я маленькая была, разрешала выбирать красивые для поделок.

Миронов попросил сотрудника зафиксировать расположение предметов. Затем коробку сняли и при Оксане открыли.

Внутри действительно лежали открытки. Поздравления с Новым годом, Днём учителя, Восьмым марта. На одной красовались огромные жёлтые розы и надпись «Дорогой Зиночке от всего коллектива».

Я испытала разочарование: вместо секретов — старые поздравительные открытки. Зря надеялась, что чужая память обязана развлекать меня загадками.

Сотрудник осторожно вынул открытки. Под ними обнаружилась сложенная шёлковая косынка. А под косынкой — новая тетрадь в клетку.

Та самая, которую Алла принесла за день до смерти хозяйки. На обложке не было ни имени, ни даты. Только небольшой рисунок синего цветка.

Оксана прижала руку ко рту.

— Господи. Она всё-таки её написала.

Миронов открыл тетрадь в присутствии сотрудников и показал первые страницы Оксане. В ней шли даты, суммы и

короткие записи крупным дрожащим почерком.

«Денис обещал вернуть до июня. В сентябре опять отсрочил. Ксюше говорить не хотела: пусть сам скажет».

Ниже:

«Вера пришла с бумагой, будто я получила всё обратно. Я не получала. Подписывать отказалась. Она сказала, что без этой бумаги у Дениса пропадёт контракт. Я сказала: долги не исчезают от красивых слов».

Оксана крепко сжала подлокотник кресла. Теперь становилось понятно, почему тётя торопилась записать разговор: она уже не доверяла обещаниям Дениса и Веры.

На следующей странице были записаны названия двух фирм и номера счетов. Под одним названием — короткая пометка: «Проверить, кому принадлежат».

Миронов прекратил читать вслух. Я была благодарна: семейная беда не обязана становиться спектаклем для посторонних. Но Оксана не отпускала тетрадь взглядом.

— Есть ещё что-нибудь? — спросила она.

Миронов перелистнул несколько страниц и кивнул.

На последнем исписанном листе стояло:

«Ксюша, прости. Я думала, что защищаю тебя, а вышло — скрывала от тебя правду. Денис обещал вернуть деньги и всё объяснить сам. Я ждала слишком долго. Не хочу, чтобы за нашу с ним ошибку платила ты».

Я опустила глаза. Оксана провела пальцем по краю платка, будто это помогало удержать руки от дрожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.